

Annotation

Из всех национальных эпосов феодального средневековья наиболее цветущим и разнообразным является эпос французский. Он дошел до нас в виде поэм, именуемых «жестами» (от французского «chansons de geste», что буквально значит «песни о деяниях» или «песни о подвигах»). «Песнь о Роланде» – самая знаменитая из поэм французского средневековья.

Поводом для создания эпической поэмы послужили далёкие события 778 года, когда Карл Великий вмешался в междуусобные распри мусульманской Испании. Взяв несколько городов, Карл осадил Сарагосу, однако через несколько недель вынужден был снять осаду и вернуться за Пиренеи из-за осложнений в собственной империи. Баски при поддержке мавров напали в Ронсевальском ущелье на арьергард Карла и перебили отступающих франков. Среди других в этом бою погиб, по свидетельству Эгинхара, историографа Карла Великого, «Хруотланд, маркграф Бретани». Напавшие разбежались. Покарать их не удалось.

Н. Томашевский

- [Песнь о Роланде](#)

- [I](#)
- [II](#)
- [III](#)
- [IV](#)
- [V](#)
- [VI](#)
- [VII](#)
- [VIII](#)
- [IX](#)
- [X](#)
- [XI](#)
- [XII](#)
- [XIII](#)
- [XIV](#)
- [XV](#)
- [XVI](#)
- [XVII](#)
- [XVIII](#)

- [XIX](#)
- [XX](#)
- [XXI](#)
- [XXII](#)
- [XXIII](#)
- [XXIV](#)
- [XXV](#)
- [XXVI](#)
- [XXVII](#)
- [XXVIII](#)
- [XXIX](#)
- [XXX](#)
- [XXXI](#)
- [XXXII](#)
- [XXXIII](#)
- [XXXIV](#)
- [XXXV](#)
- [XXXVI](#)
- [XXXVII](#)
- [XXXVIII](#)
- [XXXIX](#)
- [XL](#)
- [XLI](#)
- [XLII](#)
- [XLIII](#)
- [XLIV](#)
- [XLV](#)
- [XLVI](#)
- [XLVII](#)
- [XLVIII](#)
- [XLIX](#)
- [L](#)
- [LI](#)
- [LII](#)
- [LIII](#)
- [LIV](#)
- [LV](#)
- [LVI](#)
- [LVII](#)

- [LVIII](#)
- [LIX](#)
- [LX](#)
- [LXI](#)
- [LXII](#)
- [LXIII](#)
- [LXIV](#)
- [LXV](#)
- [LXVI](#)
- [LXVII](#)
- [LXVIII](#)
- [LXIX](#)
- [LXX](#)
- [LXXI](#)
- [LXXII](#)
- [LXXIII](#)
- [LXXIV](#)
- [LXXV](#)
- [LXXVI](#)
- [LXXVII](#)
- [LXXVIII](#)
- [LXXIX](#)
- [LXXX](#)
- [LXXXI](#)
- [LXXXII](#)
- [LXXXIII](#)
- [LXXXIV](#)
- [LXXXV](#)
- [LXXXVI](#)
- [LXXXVII](#)
- [LXXXVIII](#)
- [LXXXIX](#)
- [XC](#)
- [XCI](#)
- [XCII](#)
- [XCIII](#)
- [XCIV](#)
- [XCV](#)
- [XCVI](#)

- [XCVII](#)
- [XCVIII](#)
- [XCIX](#)
- [C](#)
- [CL](#)
- [CLI](#)
- [CIII](#)
- [CLV](#)
- [CV](#)
- [CVI](#)
- [CVII](#)
- [CVIII](#)
- [CLX](#)
- [CX](#)
- [CXI](#)
- [CXII](#)
- [CXIII](#)
- [CXIV](#)
- [CXV](#)
- [CXVI](#)
- [CXVII](#)
- [CXVIII](#)
- [CXIX](#)
- [CXXI](#)
- [CXXII](#)
- [CXXIII](#)
- [CXXIV](#)
- [CXXV](#)
- [CXXVI](#)
- [CXXVII](#)
- [CXXVIII](#)
- [CXXIX](#)
- [CXXX](#)
- [CXXXI](#)
- [CXXXII](#)
- [CXXXIII](#)
- [CXXXIV](#)
- [CXXXV](#)
- [CXXXVI](#)

- [CXXXVII](#)
- [CXXXVIII](#)
- [CXXXIX](#)
- [CXL](#)
- [CXLI](#)
- [CXLII](#)
- [CXLIII](#)
- [CXLIV](#)
- [CXLV](#)
- [CXLVI](#)
- [CXLVII](#)
- [CXLVIII](#)
- [CXLIX](#)
- [CL](#)
- [CLII](#)
- [CLIII](#)
- [CLIV](#)
- [CLV](#)
- [CLVI](#)
- [CLVII](#)
- [CLVIII](#)
- [CLIX](#)
- [CLX](#)
- [CLXI](#)
- [CLXII](#)
- [CLXIII](#)
- [CLXIV](#)
- [CLXV](#)
- [CLXVI](#)
- [CLXVII](#)
- [CLXVIII](#)
- [CLXIX](#)
- [CLXX](#)
- [CLXXI](#)
- [CLXXII](#)
- [CLXXIII](#)
- [CLXXIV](#)
- [CLXXV](#)
- [CLXXVI](#)

- [CLXXVII](#)
- [CLXXVIII](#)
- [CLXXIX](#)
- [CLXXX](#)
- [CLXXXI](#)
- [CLXXXII](#)
- [CLXXXIII](#)
- [CLXXXIV](#)
- [CLXXXV](#)
- [CLXXXVI](#)
- [CLXXXVII](#)
- [CLXXXVIII](#)
- [CLXXXIX](#)
- [CXC](#)
- [CXCI](#)
- [CXCII](#)
- [CXCIII](#)
- [CXCIV](#)
- [CXCV](#)
- [CXCVI](#)
- [CXCVII](#)
- [CXCVIII](#)
- [CXCIX](#)
- [CC](#)
- [CCI](#)
- [CCII](#)
- [CCIII](#)
- [CCIV](#)
- [CCV](#)
- [CCVI](#)
- [CCVII](#)
- [CCVIII](#)
- [CCIX](#)
- [CCX](#)
- [CCXI](#)
- [CCXII](#)
- [CCXIII](#)
- [CCXIII](#)
- [CCXIV](#)

- [CCXV](#)
- [CCXVI](#)
- [CCXVII](#)
- [CCXVIII](#)
- [CCXIX](#)
- [CCXX](#)
- [CCXXI](#)
- [CCXXII](#)
- [CCXXIII](#)
- [CCXXIV](#)
- [CCXXV](#)
- [CCXXVI](#)
- [CCXXVII](#)
- [CCXXVIII](#)
- [CCXXIX](#)
- [CCXXX](#)
- [CCXXXI](#)
- [CCXXXII](#)
- [CCXXXIII](#)
- [CCXXXIV](#)
- [CCXXXV](#)
- [CCXXXVI](#)
- [CCXXXVII](#)
- [CCXXXVIII](#)
- [CCXXXIX](#)
- [CCXL](#)
- [CCXLI](#)
- [CCXLII](#)
- [CCXLIII](#)
- [CCXLV](#)
- [CCXLV](#)
- [CCXLVI](#)
- [CCXLVII](#)
- [CCXLVIII](#)
- [CCXLIX](#)
- [CCL](#)
- [CCLI](#)
- [CCLII](#)
- [CCLIII](#)

- [CCLIV](#)
- [CCLV](#)
- [CCLVI](#)
- [CCLVII](#)
- [CCLVIII](#)
- [CCLIX](#)
- [CCLX](#)
- [CCLXI](#)
- [CCLXII](#)
- [CCLXIII](#)
- [CCLXIV](#)
- [CCLXV](#)
- [CCLXVI](#)
- [CCLXVII](#)
- [CCLXVIII](#)
- [CCLXIX](#)
- [CCLXX](#)
- [CCLXXI](#)
- [CCLXXII](#)
- [CCLXXIII](#)
- [CCLXXIV](#)
- [CCLXXV](#)
- [CCLXXVI](#)
- [CCLXXVII](#)
- [CCLXXVIII](#)
- [CCLXXIX](#)
- [CCLXXX](#)
- [CCLXXXI](#)
- [CCLXXXII](#)
- [CCLXXXIII](#)
- [CCLXXXIV](#)
- [CCLXXXV](#)
- [CCLXXXVI](#)
- [CCLXXXVII](#)
- [CCLXXXVIII](#)
- [CCLXXXIX](#)
- [CCXC](#)
- [Примечания](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)

- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)

- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)

- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)

- [157](#)
  - [158](#)
  - [159](#)
  - [160](#)
  - [161](#)
  - [162](#)
  - [163](#)
  - [164](#)
  - [165](#)
-

Песнь о Роланде

Король наш Карл, великий император,
Провоевал семь лет в стране испанской.
Весь этот горный край до моря занял^[1],
Взял приступом все города и замки,
Поверг их стены и разрушил башни,
Не сдали только Сарагосу мавры.
Марсилий-нехристь^[2] там царит всевластно,
Чтит Магомета, Аполлона славит,
Но не уйдет он от господней кары.
Аой!^[3]

II

Однажды в зной Марсилией Сарагосский
Пошел искать прохлады в сад плодовый
И там прилег на мраморное ложе.
Вкруг – мавры: тысяч двадцать их и больше.
Он герцогам своим и графам молвит:
«Узнайте, господа, о нашем горе:
Карл-император нам грозит разгромом.
Пришел из милой Франции^[4] он с войском.
А у меня нет силы для отпора,
И не хватает мне людей для боя.
Совет подайте, мудрые вельможи,
Как избежать мне смерти и позора».
В ответ ему язычники – ни слова.
Не промолчал лишь Бланкандрен Вальфондский^[5].

Блистал меж мавров Бланкандрен умом,
На поле битвы был боец лихой,
Советом рад сеньеру был помочь.
Он говорит: «Оставьте страх пустой.
Отправьте к Карлу-гордецу послов,
Клянитесь другом быть ему по гроб.
Пошлите в дар ему медведей, львов,
Псов, соколов линиях^[6] десять сот,
Верблюдов, мулов с золотой казной,
Что не свезут и пятьдесят возов.
Наемникам пускай заплатит он.
Довольно нас он разорял войной,
Пора ему вернуться в Ахен вновь.
Скажите, что в Михайлов день святой
Там примете и вы завет Христов
И Карлу честным станете слугой.
Захочет он заложников – пошлем.
Хоть двадцать их отправим в стан его.
Не пожалеем собственных сынов,
Пошлю я первый на смерть своего.
Уж лучше там им положить живот,
Чем нам утратить славу, земли, кров
И побираться с нищенской сумой».
Аой!
(Язычники в ответ: «Совет хорош».)^[7]

IV

Воскликнул Бланкандрен: «Моей десницей
И бородой, что мне на грудь спустилась,
Я вам клянусь, французы^[8] лагерь снимут,
Во Францию уйдут, в свой край родимый,
И разбредутся по родным жилищам.
Карл в Ахен^[9], град свой стольный, возвратится,
Дождется дня святого Михаила^[10],
Отпразднует его, но сроки минут,
А он о нас словечка не услышит.
Горяч и в гневе лют король спесивый,
С плеч голову заложникам он снимет.
Но лучше уж им головы лишиться,
Чем потерять нам край испанский милый
Да горе мыкать, как бездомным нищим».
Язычники в ответ: «Он прав, как видно».

Совет Марсиль распустил тогда.
К нему Кларен из Балагета^[11] зван,
Эстрамарен и Эдропен спешат,
И Приамон, и бородач Гарлан,
С Магеем-дядей Машине-смельчак,
Мальбьен Заморский, Жоюнье-силач
И Бланкандрен, что мастер речь держать^[12].
Марсиль всем злодеям так сказал:
«Отправьтесь к Карлу спешно, господа.
Он осаждает К?рдову^[13] сейчас.
Несите ветвь масличную в руках
– Смирения и дружелюбья знак.
Коль с королем вы. примирите нас,
Я серебра и золота вам дам,
Земель, феодов^[14], всякого добра».
Они в ответ: «Заслужим, государь».
Аой!

VI

Тогда совет Марсильи распустил,
Сказал вассалам: «Доброго пути!
Пора вам наломать ветвей с олив
И ехать Карла-короля просить,
Чтоб нас он бога ради пощадил.
Не минет месяц, как вослед за ним
Явлюсь я с тысячью людей моих.
Пусть Карл велит их и меня крестить,
И буду я ему слугой всю жизнь.
А коль нужны заложники – дадим».
Воскликнул Бланкандрен: «То нам с руки!»
Аой!

VII

Велит привести Марсильи мулов белых:
Король Сватильский^[15] в дар прислал их десять
На каждом золоченая уздечка.
Послы в серебряные седла сели
И в руки взяли по масличной ветви.
Злодеи к королю французов едут.
Ему от козней их не уберечься.
Аой!

VIII

Карл император радостен и горд:
Взял Кардону он штурмом, башни снес,
Баллистами своими стены смел,
Рать оделил добычею большой
– Оружьем, золотом и серебром.
Язычников там нет ни одного:
Кто не убит в бою, тот окрещен.
Сидит в саду плодовом наш король.
При нем Роланд и Оливье-барон,
Спесивец Ансеис, и дук Самсон,
И Жоффруа, Анжу его феоде,
В сраженьях знамя Карла он несет,
Жерен, Жерье^[16], бойцов отборных сонм
– Всего пятнадцать тысяч храбрецов.
Одни расселись на шелках ковров,
Другие в зернь играют за столом;
Кто стар – склонен над шахматной доской;
Кто юн – потешным боем увлечен.
Там, где цветет шиповник, под сосной,
Поставлен золотой чеканный трон.
Карл, Франции король, сидит на нем.
Седоволос он и седобород^[17],
Прекрасен станом, величав лицом.
Издадека узнать его легко.
Сошли с коней послы, узрев его,
Как должно, отдадут ему поклон.

Вот первым Бланкандрен заговорил.
Он молвит Карлу: «Пусть вас бог хранит,
Преславный бог, кого должны мы чтить!
Король Марсилий вам сказать велит:
Он понял, что закон ваш благ и чист,
И предлагает вам дары свои
– Верблюдов, львов, медведей, псов борзых
Да десять сот линиялых ловчих птиц.
Пришлет на мулах столько он казны,
Что в пятьдесят возов не уместить.
У вас довольно будет золотых,
Чтоб заплатить наемникам своим.
Немало лет у нас вы провели.
Пора уже вам в Ахен ваш уйти.
Вослед туда придет мой господин».
Воздел наш император руки ввысь,
Чело в раздумье долу опустил.
Аой!

В раздумье Карл не поднимал чела
И долго, в землю взор вперив, молчал!
Ответ любил он взвесить не спеша.
Потом сурово глянул на посла
И так промолвил: «Речь твоя красна,
Но ваш Марсилий – мой заклятый враг.
Какую можешь ты поруку дать,
Что не солгали мне твои уста?»
«Заложников дадим, – ответил мавр.
– Найдем вам хоть десяток их, хоть два.
Их к вам отправят первые меж нас.
Пошлю и сам я сына хоть на казнь.
Вернитесь в Ахен, в свой дворец, назад.
Король мой в день спасенья на водах,
В Михайлов день, к вам явится туда
И в ваших богом созданных ключах
Воспримет, как сказал, закон Христа».
«Дай бог ему спастись!» – воскликнул Карл.
Аой!

XI

Прекрасен день, закат огнем горит.
В конюшню белых мулов отвели.
Карл приказал в саду шатер разбить,
Десятерых послов в нем поместил,
Двенадцать добрых слуг приставил к ним.
Проспали там посланцы до зари.
Встал Карл с рассветом, в церковь поспешил,
Все утро у святой обедни был,
Потом в саду сел под сосной в тени
И звать баронов на совет велит:
Он не привык вершить дела без них.
Аой!

XII

Карл-император под сосной воссел.
Сошлись к нему бароны на совет:
Турпен-архиепископ, дук Ожье,
С племянником Анри Ришар, что сед,
Граф Аселен, гасконский удалец,
Жерен, Тибо из Реймса и Жерье.
Пришел с Тибо Милон, его кузен^[18],
И граф Роланд явился им вослед.
С ним знатный и отважный Оливье.
За тысячу собралось человек.
Пришел и Ганелон, предавший всех.
Созет тот стал причиной многих бед.
Аой!

XIII

Промолвил император Карл: «Бароны,
Прислал послов Марсилий Сарагосский.
Он мне сулит даров богатых много
– Верблюдов и медведей, львов и гончих,
Да соколов линиялых десять сотен,
Да золотой казны на мулах столько,
Чтоб ею пятьдесят возов наполнить.
Взамен он просит, чтоб домой ушел я.
Прибыть клянется в Ахен вслед за мною.
Он примет там крещение святое
И в лен от нас свой край получит снова.
Но, может быть, он обмануть нас хочет».
Французы молвят: «Будем осторожны».
Аой!

XIV

Король умолк: он все сказал совету.
Но не одобрил граф Роланд той речи,
Поднялся с места. Карлу стал перечить.
Он говорит: «Марсилию не верьте.
Семь лет воюем мы в испанских землях.
Коммибль и Нопль добыл я вам в сраженьях,
Завоевал и Пину и Вальтерну,
Взял Балагет, Севилью и Туделу^[19].
Марсилий же и раньше был изменник.
Прислал он к вам пятнадцать мавров прежде.
Из них нес каждый по масличной ветви.
Вели они пред вами речи те же,
Просили так же вы у нас совета,
И мы, глупцы, поверили их лести.
Послали вы двух ваших графов смелых,
Базана и Базилия, к неверным.
Марсилий их в Альтилье казни предал^[20].
Как встарь, арабов без пощады бейте,
Ведите рать на Сарагосу-крепость,
Под нею стойте хоть до самой смерти,
Но отомстите за послов злодею».
Аой!

Карл-император головой поник,
Мнет бороду и теребит усы,
Племяннику ответить не спешит.
Не промолчал лишь Ганелон один,
Поднялся с места, на ноги вскочил
И королю бесстрашно говорит:
«Поверьте не Роланду – он кичлив,
Не мне, не прочим, а ушам своим.
Желает заключить Марсильи мир,
Вам руки в руки, как вассал, вложить [\[21\]](#),
И в лен у вас Испанию просить,
И в нашу с вами веру перейти.
Кто вас к отказу пробует склонить,
Тот ни во что не ставит нашу жизнь.
Не слушайте вы тех, кто горделив.
Лишь мудрость вами пусть руководит».
Аой!

XVI

Встает Немон^[22], он седовлас и стар,
Но самый славный при дворе вассал.
Он молвит королю: «Разумен граф.
Благой совет он подал вам сейчас.
Не надо просьбу мавра отвергать.
Войну король Марсильи проиграл.
Его твердыни вы сожгли дотла,
Баллисты ваши их смели во прах.
Он потерял и рать и города.
Пощады просит ныне он у вас,
И вам ему грешно ее не дать.
Должны вы отрядить к нему посла.
Коль он готов заложников прислать,
Великую войну кончать пора».
Французы восклицают: «Герцог прав!»
Аой!

XVII

«Прошу, бароны, дайте мне совет,
Кого послать к Марсилию теперь».
Сказал Немон: «Дозвольте ехать мне.
Прошу у вас перчатку я и жезл».
Король в ответ: «Вы здесь умнее всех.
Клянусь седою бородой моей,
Вас ни за что не отпущу в отъезд.
Пока вас не зовут, извольте сесть».

XVIII

«Бароны, я от вас совета жду,
Кого послать к Марсилию могу».
Роланд промолвил: «Я отправлюсь в путь».
Граф Оливье в ответ: «Не быть тому.
Надменны вы, ваш нрав не в меру крут.
Вы ссору там затеете, страшусь.
Коль королю угодно, я пойду».
«Молчите оба! – крикнул Карл ему.
– Ни одного из вас не отпущу.
Усами вам и бородой клянусь,
Посла из пэров я не изберу».
Французы стихли и молчат вокруг.

XIX

Тогда Турпен из Реймса с места встал.
Он говорит; «Нельзя баронов слать.
Семь лет они воюют этот край
– Хлебнули горя и лишений всласть.
Жезл и перчатку мне прошу вас дать.
Я ваш ответ доставлю мавру сам
Да погляжу, каков наш враг с лица».
Король прикрикнул на него в сердцах:
«Сесть на ковер приказываю вам.
Извольте, коль я не спросил, молчать».
Аой!

Сказал король: «Отважные бароны,
Меж вами укажите мне такого,
Кто быть послом к Марсилию достоин».
Роланд ответил: «Ганелон, мой отчим».
Французы молвят: «Он на это годен.
Посла меж нас вы лучше не найдете».
Тут стало страшно графу Ганелону.
Он плащ, подбитый горностаем, сбросил,
Остался только в шелковом камзоле.
Лицом он горд, сверкают ярко очи,
Широкий в бедрах стан на диво строен.
Граф так хорош, что пэры глаз не сводят.
Роланду молвит он: «Безумец злобный,
Известно всем и так, что я – твой отчим.
Из-за тебя к Марсилию я послан,
Но коль вернуться мне господь поможет,
Тебе за все воздам я так жестоко,
Что будешь ты меня до смерти помнить».
Роланд в ответ: «С ума свела вас гордость:
Все знают, что не страшны мне угрозы.
Кто всех мудрей, тот быть послом и должен.
Но я вас заменю, коль Карл позволит».
Аой!

XXI

«Мне, – молвил Ганелон, – ты не замена:
Тебе я не сеньер, а ты не ленник.
Мне отдал император повеленье,
В град Сарагосу к маврам я поеду,
Наделаю безумств я у неверных,
Чтоб отвести хотя б немного сердце».
Роланд услышал, закатился смехом.
Аой!

XXII

Роландов смех услышал Ганелон.
От злобы сердце у него зашлось.
Едва без чувств не пал на землю он.
И молвит графу: «Знай, я недруг твой:
Ты виноват, что избран я послом.
Я – перед вами, праведный король,
Исполнить вашу волю я готов».
Карл говорит: «Сердиться вам грешно».
Аой!

XXIII

«Я вижу, к маврам надо ехать мне.
Кто послан к ним, тому возврата нет.
Король, на вашей я женат сестре.
Красавец сын у нас родился с ней.
То – Балдуин, он будет удалец.
Я вас прошу ему отдать мой лен,
А мне уж сына не видать вовек».
«Не в меру нежны вы, – король в ответ.
– Пора вам ехать, раз я повелел».
Аой!

XXIV

Король сказал: «Приблизьтесь, Ганелон,
Чтоб жезл с перчаткой вам вручить я мог.
Вы слышали, избрали вас послом».
Граф говорит: «Роланд всему виной.
Он будет ненавистен мне по гроб,
Я враг и Оливье, с кем дружит он,
И пэрам вашим, любящим его.
Бросаю им при вас я вызов свой».
Король в ответ: «Умерьте вашу злость.
Пойдете вы, раз приказал король».
«На смерть пойду я, как Базан пошел
И с ним Базилий, брат его родной».
Аой!

XXV

Король снимает правую перчатку.
Но скрыться рад бы Ганелон подальше.
Перчатку он берет, роняет наземь.
Все молвят: «Что же будет, о создатель?
Посольство это нам сулит несчастье».
«Увидим», – Ганелон им отвечает.

XXVI

«Дозвольте ехать, – молвил Ганелон.
– Пора мне в путь, как требует мой долг».
Король ответил: «С вами я и бог».
Затем посланца осенил крестом,
Жезл протянул ему, вручил письмо.

XXVII

Граф Ганелон ушел в шатер к себе,
Весь воинский припас пересмотрел,
Облекся в наилучший свой доспех,
Златые шпоры на ноги надел,
К бедру привесил добрый меч Морглес,
Сел на Ташбрюна-скакуна^[23] затем,
А стремя подал дядя Гюннемер.
Вкруг рыцари стоят в слезах, в тоске.
Все молвят: «Граф, послали вас на смерть.
Давно вы состоите при дворе.
Считают вас бароном славным здесь.
Того, кто вас послом избрать посмел,
Сам Карл не защитит, не минет месть.
Вас граф Роланд был должен побережь:
Ведь родом вы столь знатный человек.
Мы все поедем, граф, за вами вслед».
«Бог упаси! – им Ганелон в ответ.
– Погибнуть лучше одному, чем всем.
Как будете опять в родной стране,
Вас кланяться прошу жене моей;
И Пинабелю: он мой друг и пэр;
И Балдуину: я ему отец.
Он ваш сеньер, его покинуть – грех».
И поскакал дорогою своей.
Аой!

XXVIII

Вот граф в тени олив высоких скачет.
С ним рядом сарацинские посланцы:
Нарочно Бланкандрен позадержался.
Беседу мавр заводит ловко с графом
И говорит ему: «Дивлюсь я Карлу.
Апулию с Калабрией он занял,
Смирил он за соленным морем англов,
Петру святому дань платить заставил^[24].
Но для чего пришел он в земли наши?»
Ответил граф: «Так, видно, он желает.
С ним не под силу никому тягаться».
Аой!

XXIX

Араб сказал: «Французы благородны,
Лишь те из вас, вельмож французских, злобны,
Кто Карла подстрекает на раздоры,
Зря и его, и весь народ тревожит».
Граф отвечает: «Нет у нас подобных.
Один Роланд себе позора хочет.
Скрывался раз король в тени от зноя.
Его племянник в панцире подходит.
Он только что разграбил Каркасон^[25].
Румяный яблоч^[26] Карлу он подносит.
„Вот так же, государь; – он дяде молвит,
– Я поднесу вам разом все короны“.
Укоротить ему пора бы норов.
Он каждый день рискует головою.
Убить его – и прекратятся войны».
Аой!

XXX

«Жесток Роланд! – воскликнул сарацин.
– Ужель он хочет всех поработить
И страны все завоевать решил?
Где рать ему для этого найти?»
Ответил Ганелон: «Французы с ним.
Они ему верны, и он им мил.
Он не жалеет золота для них.
Им брони, мулов, шелк, коней дарит.
Готов он сделать все, что Карл велит,
– Хоть до Востока покорить весь мир».
Аой!

XXXI

Так ехали араб и Ганелон,
Пока не поклялись друг другу в том,
Что им Роланд заплатит головой.
Вот в Сарагосу прискакал посол.
Сошел с коня у тиса, пред дворцом.
Стоит там под сосной, в тени, престол.
Парчой александрийской^[27] устлан он.
Сидит король Испании на нем.
Арабов двадцать тысяч вокруг него.
Но слова вслух не вымолвит никто:
Всем новости услышать невтерпеж.
Тут входят Бланкандрен и Ганелон.

XXXII

Вот Бланкандрен к престолу подступил,
С послем перед Марсилием стоит
И молвит: «Пусть вас Магомет хранит
И Аполлен, которого мы чтим.
Я вашу волю Карлу изложил,
Но лишь воздел в ответ он руки ввысь
И бога восхвалил от всей души.
К вам этот граф французский послан им.
Он знатен и у короля в чести.
Пусть скажет, что привез, – войну иль мир».
Послу Марсиль молвил: «Говори».
Аой!

XXXIII

Ответ успел обдумать Ганелон
И речь повел, как человек с умом:
Не в первый раз он был уже послом.
Он говорит: «Пусть вас хранит господь,
Преславный, чтимый всеми нами бог.
Вам объявляет Карл, владыка мой:
Коль примете святой закон Христов,
Даст в лен вам пол-Испании король.
А коль не согласитесь вы на то,
Схватить вас и связать прикажет он.
Вас в стольный Ахен увезут потом.
Там вынесут вам правый приговор.
Там ждут вас суд, и гибель, и позор».
Пришел король арабский в гнев большой,
Дрот золотоперый над послом занес,
Но удержал его синклит вельмож.
Аой!

XXXIV

В лице Марсильи изменился разом.
Он потрясает дротом над посланцем.
Граф это видит, меч рукой хватает.
Его из ножен вынул на два пальца
И говорит: «Ты светел и прекрасен.
Пока тобой, мой меч, я препоясан,
Наш император про меня не скажет,
Что смерть один я принял в чуждом крае:
Со мной погибнут лучшие из мавров».
Кричат арабы: «Развести их надо».

Синклит вельмож Марсилия унял.
Король арабский сел на трон опять.
И альгалиф^[28] воскликнул: «Так нельзя!
Дрот на посла заносите вы зря.
Вы не грозить должны ему, а внять».
Промолвил граф: «Стерплю обиду я,
Но не заставит замолчать меня
Все золото, что в ваших есть краях,
Все, чем богаты суша и моря.
То, что услышал я от короля,
Его врагу скажу я, не чинясь».
На землю шубу сбросил граф с себя,
На ней парчою крыты соболя,
И Бланкандрен спешит ее поднять.
Лишь меч посол не разрешает взять, —
Рукою правой сжал он рукоять.
«Вот смелый рыцарь!» – мавры говорят.
Аой!

XXXVI

К Марсилию подходит Ганелон
И молвит: «Зря вас обуяла злость.
Велит сказать вам Франции король,
Чтоб обратились вы в закон Христов.
В лен даст вам полстраны испанской он,
А полстраны Роланд себе возьмет.
Ваш соправитель будет крут и горд^[29].
А коль вам не по нраву мир такой,
На Сарагосу Карл пойдет в поход,
Прикажет вас схватить, связать силком
И в стольный Ахен увезет с собой.
Вас не посадят в доброе седло,
Не повезут вас мул, лошак иль конь —
На кляче вы поедете верхом,
А в Ахене проститесь с головой.
Вот что вам пишет император мой».
Сказал – и мавру протянул письмо.

XXXVII

Король Марсилья яростью охвачен,
Печать ломает, воск бросает наземь.
Письмо прочел он, говорит арабам:
«Мне пишет Карл, французский император,
Свои обиды он припоминает.
Базилия убил я и Базана,
В горах Альтильских я их предал казни.
Велит он, коль хочу в живых остаться,
К нему отправить альгалифа-дядю,
Не то я Карлу ненавистен стану».
Тут королевич голос возвышает,
Отцу он молвит: «Нас срамит посланец.
Пусть он за это жизнью нам заплатит.
Проститься с нею я его заставлю».
Граф это слышит, меч свой обнажает,
Встал под сосну, к стволу спиной прижался.

XXXVIII

Марсилий встал, пошел в плодовый сад.
Знатнейшие из мавров вслед спешат.
Принц Журфалей пришел на зов отца.
Там альгалиф – он дядя короля,
Там Бланкандрен, чья голова седа.
Он молвит: «Не позвать ли нам посла?
Ведь он поклялся мне стоять за нас».
В ответ Марсилий: «Пусть придет сюда».
Вот за руку привел француза мавр.
Они перед Марсилием стоят,
Измену замышляют сообща.
Аой!

XXXIX

«Граф Ганелон, – сказал послу Марсилию, —
Вы были мной обижены безвинно.
Я дротом вас в сердцах убить грозился.
Дарю за то вас мехом соболиным.
Он мною куплен за пять сотен ливров.
Такой подарок возместит обиду».
«Приму с охотой! – Ганелон воскликнул. —
Пусть бог за это вам воздаст сторицей!»
Аой!

Марсилиий молвил: «Граф, поверьте мне,
Нам ум и доблесть ваши по душе.
О Карле я вас расспросить хотел.
Ведь он уж стар и прожил долгий век:
Ему, как я слышал, за двести лет^[30].
Завоевал столь много он земель,
Столь много отразил щитом мечей,
Столь многих разорил он королей!
Когда ж свой нрав уймет он наконец?»
«Карл не таков, – посол ему в ответ. —
Вам скажет каждый, кто его узрел,
Что мир не видел воина смелей.
Слов в языке людском достойных нет,
Чтобы воздать ему хвалу и честь!
Не рассказать мне вам, каков он есть, —
Так щедро от творца он взыскан всем.
Чем с ним расстаться, лучше умереть».

Король сказал: «Не взять мне в толк никак.
Ваш государь и стар и седовлас.
Ему за двести лет, как я слышал.
В поход водил он войско много раз,
На нем от стрел и копий много ран,
Он разорил войною много стран.
Когда ж он наконец уймет свой нрав?»
«Не быть тому, покуда жив Роланд,
Наихрабрый под луной вассал,
И Оливье, его лихой собрат,
И пэры, коих чтит и любит Карл.
При них двадцатитысячная рать.
Спокоен Карл, ему неведом страх».
Аой!

XLII

Язычник молвит: «Не возьму я в толк.
Стар государь ваш и седоволос.
Лет двести, как я слышал, прожил он.
Им много королевств покорено,
От стрел и копий много ран на нем,
И много стран он разорил войной.
Когда ж он наконец свой нрав уймет?»
«Не быть тому, пока Роланд живет,
Вассал нахрабрейший под луной,
И Оливье, лихой собрат его,
И пэры, коих возлюбил король,
И с ними двадцать тысяч их бойцов.
При них не страшен королю никто».
Аой!

XLIII

«Любезный граф, – король послу сказал,
– Народ мой многочислен и удал.
В четыреста сберу я тысяч рать,
А с ней могу отпор французам дать».
«На это не надейтесь, – молвил граф.
– Вы зря свои погубите войска.
Нет, подчинитесь голосу ума:
Французам нужно дать такую дань,
Чтоб кругом голова у них пошла,
Заложников десятка два послать.
Во Францию пусть возвратится Карл,
А позади оставит арьергард,
Отдаст его Роланду под начал.
Учтивый Оливье с ним будет там.
Они погибнут, в том ручаюсь вам.
Карл спесь свою забудет навсегда
И побоится с вами воевать».
Аой!

XLIV

«Любезный граф, – спросил посла Марсильи,
– Как сделать, чтоб Роланд лишился жизни?»
Ответил граф ему: «Король, внимайте.
Как только вступит Карл в ущелье Сизы^[31],
Он арьергард оставит у теснины.
В нем будут граф Роланд неустрашимый
И Оливье, собрат его любимый.
Даст под начал король им двадцать тысяч.
На них сто тысяч ваших мавров двиньте.
Пускай французы первый натиск примут
И понесут урон немалый в битве,
Хоть и потерпят большой сарацины.
А вы затем начните бой вторично:
В одном из двух Роланда смерть не минет.
Великое деянье вы свершите,
Жить будете до самой смерти в мире».
Аой!

XLV

«Коль сможете Роланда погубить,
Без правой Карл останется руки.
Коль войско пэров истребите вы,
Вновь Карлу не найти бойцов таких.
Во Франции наступит вечный мир».
Мавр обнял графа, поблагодарил,
Повел смотреть сокровища свои.
Аой!

XLVI

Сказал король: «Мы речи тратим зря.
Совету без доверья грош цена.
Клянись же Роланда нам предать».
Посол сказал: «Охотно клятву дам».
Морглес он взял, поклялся на мощах:
Их в рукоять меча он вделал встарь [\[32\]](#).
Аой!

XLVII

Слоновой кости там стоял престол.
Кладет Марсилий книгу^[33] на него.
Записан терваганов в ней закон.
Поклялся сарацин на книге той,
Что если в арьергард Роланд пойдет,
Всю рать арабы разом двинут в бой,
Чтоб ускользнуть от смерти граф не мог.
«Да будет так!» – промолвил Ганелон.
Аой!

XLVIII

Язычник Вальдаброн пришел туда.
Марсилия воспитывал он встарь.
С веселым смехом он послу сказал:
«Вот меч – нигде такого не сыскать.
За рукоять я сто червонцев дал.
Его примите, граф, приязни в знак.
Сгубить Роланда пособите нам,
Добейтесь, чтоб он в арьергард попал».
Ответил Ганелон: «Да будет так»,
Облобызал язычника в уста.

XLIX

Язычник Климорен подходит к ним,
Послу с веселым смехом говорит:
«Вот шлем – нигде такого не найти.
Дарю его, чтоб был наш враг убит.
Чтоб мы могли Роланда посрамить».
«Да будет так!» – посланец подхватил,
И с ним облобызался сарацин.
Аой!

L

Подходит королева Брамимонда
И молвит графу: «Вы мне милы очень.
Вас хвалят все – и муж мой, и вельможи.
Жене свезите две богатых броши.
На них немало аметистов добрых,
И все богатства Рима их не стоят.
Ваш император не видал подобных».
Взял граф и сунул их в сапог глубоко.
Аой!

Марсилиий казначея подозвал:
«Готова ль дань для Карла, Мальдуа^[34]?»
Ответил тот: «Погружена казна.
Семьсот верблюдов с нею шлем мы в дар.
Заложников получит двадцать Карл».
Аой!

Король Марсилий Ганелона обнял
И молвит: «Нет мудрей, чем вы, барона.
Молю вас вашей верою святою
– За нас и впредь, как ныне, верно стойте.
Не пожалею я для вас сокровищ,
Дам десять мулов, золотом груженных,
И столько ж буду слать вам ежегодно.
Вот вам ключи богатой Сарагосы.
Вы их вручите королю с поклоном.
Роланда прикрывать назначьте войско.
Я повстречаюсь с ним в ущельях горных,
И мы тогда на смертный бой сойдемся».
Ответил граф: «Нельзя мне медлить дольше».
Сел на коня и в путь помчался снова.
Аой!

LIII

Путь император к Франции направил,
Стал по дороге лагерем под Гальной^[35].
Разрушен этот город был Роландом,
Сто лет потом там не селились мавры.
Ждет Карл вестей от своего посланца
И дани от испанских басурманов.
С зарей, едва лишь солнце показалось,
Граф Ганелон въезжает в лагерь Карла.
Аой!

Чуть свет наш император с ложа встал.
Он в церкви у обедни побывал,
Сел на траву у своего шатра.
При нем Роланд и Оливье-вассал,
Немон и прочих рыцарей толпа.
Предатель Ганелон пришел туда,
Коварно речь повел издалека.
«Храни вас бог! – он королю сказал.
– Вот здесь ключи от Сарагосы вам,
А вот и мной полученная дань.
Заложников для вас я двадцать взял.
Король Марсилий просит не серчать,
Что он вам альгалифа не прислал.
Четыре сотни тысяч мусульман,
Все в панцирях и крепких шишаках,
Чернь с золотом на их стальных мечах,
Уселись с альгалифом на суда,
Чтоб таинства крещенья избежать.
Но не пришлось отплыть – я видел сам
– И на четыре мили кораблям,
Как налетели шторм и ураган.
Погибли альгалиф и с ним вся рать;
А будь он жив, он был бы здесь сейчас.
Клянется вам Марсилий-басурман,
Что месяц не пройдет еще сполна,
Как явится он в наш французский край,
Воспримет там святой закон Христа,
Вам руки в руки вложит, как вассал,
И в лен возьмет Испанию от вас».
Король воскликнул: «Господу хвала!
А вам не пожалею я наград».
Трубят французы в трубы и рога,
Садятся на коней, покинув стан,
В дорогу к милой Франции спешат.
Аой!

Великий Карл Испанию разграбил,
Разрушил города и занял замки.
Он мнит, что время мирное настало,
И едет к милой Франции обратно.
Вот стяг его Роланд на землю ставит.
С холма взметнулось грозно к небу знамя.
Вокруг стоят французские палатки.
Меж тем в ущельях сарацины скачут.
На них стальные панцири и латы,
Все в шлемах, препоясаны мечами,
На шее щит, копье в руке зажато.
В засаду сели мавры в горной чаще.
Четыреста их тысяч там собралось.
Увы, французы этого не знают!
Аой!

LVI

День миновал, на землю ночь спустилась.
Могучий император сон увидел:
У входа он стоит в ущелье Сизы,
Зажал копьё из ясеня в деснице;
Но за копьё граф Ганелон схватился,
Потряс его и дернул что есть силы.
Взвились обломки древка к небу вихрем...
А Карл все спит, не может пробудиться.

LVII

Потом ему привиделось во сне,
Что он в капелле ахенской своей.
Рвет правое плечо ему медведь.
Вдруг мчится леопард с вершин Арденн.
На Карла прынул он, разинув зев,
Но из дворца проворный пес приспел.
От короля он отогнал зверей,
Медведю ухо правое изъел,
За леопардом кинулся затем.
«Великий бой!» – кричат французы вслед,
Хоть и не знают, кто одержит верх.^[36]
А Карл все спит: проснуться мочи нет.
Аой!

LVIII

Ночь минула, заря, алея, встала.
Рога и трубы оглашают лагерь.
Пред войском Карл Великий гордо скачет.
«Бароны, – вопрошает император, – Тесны ущелья здесь и круты
скалы.
Кого бы нам оставить в арьергарде?»
Граф Ганелон ему в ответ: «Роланда.
Мой пасынок – храбрый из вассалов».
Услышал Карл, на графа гневно глянул
И говорит ему: «Вы – сущий дьявол.
Вас злоба неизбывная снедает.
А кто пойдет дозором перед ратью?»
Граф Ганелон сказал: «Ожье Датчанин.
Надежнее вы не найдете стража».
Аой!

Роланд узнал, куда он отряжен,
Заговорил, как рыцарь и барон:
«Большое вам спасибо, отчим мой,
Что я назначен прикрывать отход.
Не потеряет Франции король,
Пока я жив, коня ни одного.
За каждого из вьючных лошаков,
За каждого из мулов и ослов
Взыщу я плату с недругов мечом».
«Я это знаю», – молвил Ганелон.
Аой!

Узнал Роланд, что в арьергард назначен,
И отчиму промолвил в гневе страшном:
«Ах, подлое отродье, ах, предатель!
Ты думаешь, я уроню перчатку,
Как ты свой жезл, на землю перед Карлом?»^[37]
Аой!

Роланд воскликнул: «Праведный король,
Я вас прошу, мне лук вручите свой.
Уж я не заслужу упрека в том,
Что перед вами уроню его,
Как сделал это Ганелон с жезлом».
Наш император Карл поник челом,
Мнет бороду и крутит ус рукой.
Но удержать никак не может слез.

LXII

Немон вслед за Роландом держит речь
– Вассала нет славнее при дворе.
Он молвит королю: «Слыхали все,
В какой пришел Роланд великий гнев.
Он с арьергардом остается здесь,
И заменить его нельзя никем.
Ему ваш лук вручите поскорей,
Дружины дайте лучшие из всех».
И лук Роланду Карл принять велел.

LXIII

Роланду молвит император Карл:
«Племянник милый, вот вам мой наказ:
Возьмете вы полвойска под начал.
С ним никакой вам не опасен враг».
Роланд ответил: «Да не будет так.
Свой род не посрамлю я никогда.
Лишь двадцать тысяч мне прошу вас дать.
Ведите с миром остальных в наш край:
Пока я жив, никто не страшен вам».
Аой!

LXIV

Роланд сидит на боевом коне.
При нем его товарищ Оливье.
За ними едут храбрый граф Жерье,
Жерен, Атон, Асторий, Беранже
И Ансеис, чья непомерна спесь.
Старик Жерар из Руссильона здесь
И славный герцог удалец Гефье.
Турпен сказал: «Мне отставать не след».
«Иду с Роландом, – подхватил Готье
– Ведь я его вассал: он дал мне лен».^[38]
Ушло их двадцать тысяч человек.
Аой!

Зовёт к себе Роланд Готье де л'Она:
«Возьмете вы французов десять сотен,
Займете все ущелья и высоты,
Чтоб император не понес урона».
Аой!
Готье в ответ: «Исполню все, как должно»:
Взял он с собой французов десять сотен
И занял все ущелья и высоты.
Откуда враг ударить ни захочет,
Семьсот мечей он встретит обнаженных.
Король Альмар Бельфернский^[39] в час недобрый
Даст нынче бой Готье с его дозором.

LXVI

Хребет высок, в ущельях мрак царит,
Чернеют скалы в глубине теснин.
Весь день идут французские полки,
На много миль разносятся шаги.
Вот уж они до Франции дошли.
Гасконь, владенье Карла, – впереди.
Припомнились родные земли им,
Невест и жен припомнили они.
Сбегают слезы по щекам у них,
Но больше всех великий Карл скорбит:
Племянник им оставлен позади.
Не плакать с горя у него нет сил.
Аой!

LXVII

В чужой земле двенадцать пэров встали
И двадцать тысяч рыцарей отважных.
Ни бой, ни смерть им не внушают страха.
Во Францию спешит наш император,
(Рвет бороду и неутешно плачет.)
Лицо плащом в унынье прикрывает.
Старик Немон конь о конь с Карлом скачет.
Он молвит королю: «Что вас печалит?»
Король ему в ответ: «Вопрос ваш празден.
Я так скорблю, что не могу не плакать,
Граф Ганелон погубит войско наше.
Мне нынче в ночь явил виденье ангел:
Сломал копье мне Ганелон-предатель,
Он в арьергард определил Роланда.
В чужой земле племянник мной оставлен.
Беда, коль он умрет: ему нет равных».
Аой!

LXVIII

Сдержать не может слез великий Карл,
С ним плачет вся стотысячная рать.
Его и всех французов мучит страх,
Что Ганелоном предан граф Роланд.
Богатые дары предатель взял – И серебро, и золото, и шелка,
Коней, верблюдов, мулов, львов, собак.
Три дня Марсилией подданных скликал.
Все званы – герцог, альгалиф и князь,
Эмир, барон, и альмасор, и граф.^[40]
Четыре сотни тысяч он собрал.
Рокочет в Сарагосе барабан.
На башню идол Магомет подъят,
Чтоб все могли к нему с мольбой воззвать.
В седло садится войско басурман.
И вот уж по Серданье^[41] мавры мчат,
И виден им уже французский стяг.
Двенадцать пэров с войском ждут врага
И бой ему не побоятся дать.

LXIX

Племянник короля летит вперед,
Вскачь гонит мула, древком бьет его.
Марсилию со смехом молвит он:
«Не раз я вам служил своим мечом,
Для вас претерпевал и труд и боль,
Одерживал победы над врагом.
Прошу вас даровать мне первый бой.
Роланда я сражу своим копьем.
Коль Магомет захочет мне помочь,
Испанию мы отвоюем вновь
От Дюрестана до Асприйских гор^[42].
Устанет Карл, откажется от войн,
И проживете в мире век вы свой».
Племяннику перчатку дал король.
Аой!

Взял тот перчатку с дядиной руки,
Марсилию спесиво говорит:
«Пресветлый государь, ваш дар велик.
Двенадцать мне соратников нужны,
Чтобы двенадцать пэров перебить».
На зов явиться Фальзарон^[43] спешит,
Марсилию он братом был родным.
«Племянник, вы пойдете не один,
Готов я вместе с вами в бой вступить,
Мы арьергард французов разгромим.
Не суждено живыми им уйти».
Аой!

LXXI

Вторым подъехал Корсали туда.
Душа бербера^[44] этого черна,
Но он лихой вассал, и смел в речах,
И храбрость ценит выше всех богатств.
С ним Мальприми, чья родина Бриган,
Он бегают быстрее скакуна.
Марсилию он громко закричал:
«Отправиться готов я в Ронсеваль.
Роланд погиб, коль с ним я встречусь там».

LXXII

Вот амирафль из Балагета мчит.
Он станом строен и лицом красив.
Спесиво он на скакуне сидит,
Оружьем похваляется своим.
Он храбростью повсюду знаменит.
Одна беда – он не христианин.
Пред королем он встал и говорит:
«Прошу вас в Ронсеваль^[45] меня пустить.
Коль встречу там Роланда, он погиб,
Погибнут Оливье и пэры с ним.
Постигнут всех французов смерть и стыд.
Карл выжил из ума, он стар, чуть жив,
Устанет скоро он войну вести,
И мы вкусим в краю испанском мир».
За речь Марсилий поблагодарил.
Аой!

LXXIII

Вот скачет альмасор из Морианы^[46],
В Испании нет нехристя коварней.
Пред королем он встал и начал хвастать:
«Дружину поведу я к Ронеевалю,
Пойдет со мною двадцать тысяч храбрых.
Роланд погиб, коль с ним я повстречаюсь.
Весь век о нем придется Карлу плакать».
Аой!

LXXIV

Вот скачет граф Торжис из Тортелозы^[47].
Его фео́д наследный этот город,
Всех христиан сгубил бы он охотно.
С другими он к Марсилию подходит
И молвит: «Будьте, государь, спокойны.
Наш Магомет сильней Петра святого,
Коль вы ему верны, он вам поможет.
С Роландом в Ронсевале мы сойдемся,
Ему оттуда не уйти живому.
Вы видите, как длинен меч мой добрый,
Он скоро в щепы Дюрандаль^[48] расколет.
Молва вам скажет, кто кого поборет.
Мы победим французов в бранном споре.
Карл не избегнет срама и позора,
Носить корону не дерзнет он больше».

Вот скачет Эскреми^[49] вдогонку прежним,
Владеет этот сарацин Вальтерной.
Кричит он громко королю неверных:
«Я в Ронсеваль смиришь французов еду!
Роланд погиб, коль там его я встречу,
Погибнет Оливье, кто всех смелее,
Предам я с ним двенадцать пэров смерти,
Французский край навеки опустеет.
Карл не найдет таким бойцам замены».
Аой!

LXXVI

Вот Эсторган-язычник подсказал,
За ним Эстрамарен^[50], его собрат,
Душа у них коварна и черна.
Король сказал: «Приблизьтесь, господа.
Спешите по ущельям в Ронсеваль,
Вести мне помогите в битву рать».
Они в ответ: «Исполним, государь,
Роланд и Оливье погибнут там,
Никто из пэров не уйдет от нас,
Остры у нас клинки, крепка их сталь,
Мы обагрим ее в крови врага.
Умрут французы, Карл поднимет плач.
Всю Францию наш меч добудет вам.
О государь, велите бой начать!
В плен попадет к вам император Карл».

LXXVII

Вот Маргари Севильский^[51] подъезжает.
Он землями до Казмарины правит.
За красоту свою он мил всем дамам.
Чуть поглядит ему в лицо любая,
Не может от улыбки удержаться.
Нет воина отважнее у мавров.
Толпу он пред собою раздвигает,
Марсилию кричит: «Не опасайтесь!
Я еду в Ронсеваль убить Роланда,
И Оливье в живых я не оставлю,
Израню всех двенадцать пэров насмерть.
Вот меч мой с золотою рукоятью,
Эмиром Прима^[52] был он мне подарен,
Клянусь его окрасить кровью вражьей.
Французов мы побьем и обесславим,
А император их, седой и старый,
День изо дня от горя будет плакать.
Не минет год – мы Францию захватим,
Свои палатки в Сен-Дени^[53] поставим».
Король ему поклоном отвечает.
Аой!

LXXVIII

Вот и Шернобль Монэгрский^[54] лошадь шпорит.
До пят свисают у него волосья.
Играючи он большой груз уносит,
Чем увезти семь вьючных мулов могут.
В краю, откуда этот нехристь родом,
Хлеб не родит земля, не светит солнце,
Не льется дождь, не выпадают росы,
Там черен даже каждый камень горный.^[55]
Есть слух: там у чертей бывают сходки.
Шернобль воскликнул: «Взял я меч свой добрый,
Его окрашу в Ронсевале кровью.
Я там Роланду заступлю дорогу.
Будь я не я, коль на него не брошусь,
Коль Дюрандаль я не добуду с бою.^[56]
Французов мы побьем и опозорим».
Двенадцать пэров-сарацин уходят,
Стотысячную рать ведут с собою.
Всем поскорей затеять бой охота,
Все в бор идут и надевают брони.

В доспехах сарацинских каждый мавр,
У каждого кольчуга в три ряда.
Все в добрых сарагосских шишаках,
При вьеннских^[57] прочных кованых мечах,
При валенсийских копьях и щитах.
Значок на древке – желт, иль бел, иль ал.
Арабы с мулов соскочить спешат,
На боевых коней садится рать.
Сияет день, и солнце бьет в глаза,
Огнем горят доспехи на бойцах.
Скликают мавров трубы и рога,
К французам шум летит издалека.
Роланду молвит Оливье: «Собрат,
Неверные хотят на нас напасть».
«Хвала творцу! – ему в ответ Роланд.
– За короля должны мы грудью встать.
Служить всегда сеньеру рад вассал,
Зной за него терпеть и холода.
Кровь за него ему отдать не жаль.
Пусть каждый рубит нехристей сплеча,
Чтоб не сложили песен злых про нас^[58].
За нас господь – мы правы, враг не прав.
А я дурной пример вам не подам».
Аой!

Граф Оливье взошел на холм крутой,
Взглянул направо на зеленый дол
И видит: войско сарацин идет.
Зовет он побратима своего:
«Шум слышен в стороне испанских гор.
Горят щиты и шишаки огнем.
Французов ждет сегодня тяжкий бой.
Всему виной предатель Ганелон:
Он нас назначил прикрывать отход».
Роланд ему в ответ: «Он – отчим мой.
Я не позволю вам бранить его».

LXXXI

Граф Оливье глядит на дол с холма.
Вдали видны испанская страна
И сарацин несметная толпа.
Везде сверкают золото и сталь,
Блеск лат, щитов и шлемов бьет в глаза.
Лес копий и значков над долом встал.
Языческих полков не сосчитать:
Куда ни кинешь взор – повсюду враг.
Пришел в тревогу и смущенье граф,
Спустился поскорей с холма назад,
Пошел к французам, все им рассказал.

LXXXII

Промолвил Оливье: «Идут враги.
Я в жизни не видал такой толпы.
Сто тысяч мавров там: при каждом щит,
Горят их брони, блещут шишаки,
Остры их копья, прочны их мечи.
Бой небывалый нынче предстоит.
Французы, пусть господь вас укрепит.
Встречайте грудью натиск сарацин».
Французы молвят: «Трус, кто побежит!
Умрем, но вас в бою не предадим».
Аой!

LXXXIII

Граф Оливье сказал: «Врагов – тьмы тем,
А наша рать мала, сдается мне.
Собрат Роланд, трубите в рог скорей,
Чтоб Карл дружины повернуть успел».
Роланд ответил: «Я в своем уме
И в рог не затрублю, на срам себе.
Нет, я возьмусь за Дюрандаль теперь.
По рукоять окрашу в кровь мой меч.
Пришли сюда враги себе во вред.
Ручаюсь вам, их всех постигнет смерть».
Аой!

LXXXIV

«Трубите в рог скорей, о друг Роланд!
Король услышит зов, придет назад,
Баронов приведет на помощь нам».
«Не дай господь! – Роланд ему сказал.
– Не стану Карла я обратно звать,
Себе и милой Франции на срам.
Нет, лучше я возьмусь за Дюрандаль,
Мой добрый меч, висящий у бедра,
По рукоять окрашу в кровь булат.
Враги себе во вред пришли сюда.
Их всех постигнет смерть, ручаюсь вам».
Аой!

«О друг Роланд, скорей трубите в рог.
На перевале Карл услышит зов.
Ручаюсь вам, он войско повернет».
Роланд ему в ответ: «Не дай господь!
Пускай не скажет обо мне никто,
Что от испуга позабыл я долг.
Не посрамлю я никогда свой род.
Неверным мы дадим великий бой.
Сразу я мавров тысячу семьсот,
Мой Дюрандаль стальной окрашу в кровь.
Врага французы примут на копье.
Испанцам всем погибнуть суждено».

LXXXVI

Граф Оливье сказал: «Вы зря стыдитесь.
Я видел тьму испанских сарацинов,
Кишат они на скалах и в теснинах,
Покрыты ими горы и долины.
Несметны иноземные дружины.
Чрезмерно мал наш полк в сравненье с ними».
Роланд в ответ: «Тем злей мы будем биться.
Не дай господь и ангелы святые,
Чтоб обесчестил я наш край родимый.
Позор и срам мне страшны – не кончина.
Отвагою – вот чем мы Карлу милы».

LXXXVII

Разумен Оливье, Роланд отважен,
И доблестью один другому равен.
Коль сели на коня, надели панцирь – Они скорей умрут, чем
дрогнуть в схватке.
Их речи горды, их сердца бесстрашны.
На христиан арабы бурей мчатся,
И молвит Оливье: «Враги пред нами,
И далеко ушли дружины Карла.
Когда бы в рог подуть вы пожелали,
Поспел бы к нам на помощь император.
Взгляните вверх, где круты скалы Аспры:
Там арьергард французов исчезает.
А нам теперь уж путь назад заказан».
Роланд ему: «Безумна речь такая.
Позор тому, в чье сердце страх закрался.
Стоим мы здесь и не пропустим мавров.
Верх мы возьмем, и поле будет нашим».
Аой!

LXXXVIII

Роланд увидел: битвы не минуть,
Как лев иль леопард, стал горд и лют,
Воскликнул громко: «Побратим и друг!
Вам говорить такое не к лицу.
Не зря нас Карл оставил с войском тут:
Не знает страха ни один француз,
И двадцать тысяч их у нас в полку.
Вассал сеньеру служит своему.
Он терпит зимний холод и жару,
Кровь за него не жаль пролить ему.
Копьем дадите вы отпор врагу.
Я Дюрандаль, что Карл мне дал, возьму.
Кто б ни владел им, если я паду,
Пусть скажет, что покойник был не трус».

LXXXIX

Турпен-архиепископ взял в галоп,
Коня пришпорил, выехал на холм.
Увещевать французов начал он:
«Бароны, здесь оставил нас король.
Умрем за государя своего,
Живот положим за Христов закон.
Сомненья нет, нас ожидает бой:
Вон сарацины – полон ими дол.
Покайтесь, чтобы вас простил господь;
Я ж дам вам отпущение грехов.
Вас в вышний рай по смерти примет бог^[59],
Коль в муках вы умрете за него».
Вот на колени пали все кругом.
Турпен крестом благословил бойцов,
Эпитимью назначил – бить врагов.

Французы поднимаются с земли.
Турпеню им отпущены грехи,
Он их святым крестом благословил.
На скакунов садятся вновь они.
Доспех надежный на любом из них,
К сраженью все готовы, как один.
Вот графу Оливье Роланд кричит:
«Вы мудро рассудили, побратим.
Нас Ганелон-предатель погубил.
Взял он за это деньги и дары.
Пускай ему за нас король отмстит.
Ты, сарацин Марсиль, нас купил
– Так вот мечом покупку и возьми».
Аой!

Долиной мчит Роланд на скакуне.
Конь Вельянтиф^[60] под ним горяч и резв.
К лицу ему оружие и доспех.
Копье он держит меткое в руке,
Вздывает грозно к небу острие.
Значок играет белый на копье,
Свисает бахрома до рук и плеч.
Прекрасен телом граф и ликом смел.
Ему вдогонку скачет Оливье.
Несется клич французов им вослед.
Роланд надменно мавров оглядел,
Любовно глянул на своих людей
И стал держать к ним ласковую речь:
«Бароны, не гоните зря коней:
Язычников не минет ныне смерть.
Такою мы возьмем добычу здесь,
Какой не брал никто из королей».
Сходиться рати начали затем.
Аой!

XCII

Граф Оливье сказал: «К чему слова!
В рог затрубить казалось стыдно вам.
Теперь король нам помощь не подаст.
За это было б грех ему пенять:
Не знает он, что ожидает нас.
Пришпорьте лучше скакуна, собрат!
Бароны, ни на шаг не отступить!
Молю вас ради господа Христа,
Держите строй, крушите басурман!
Ударим с кличем Карла на врага».
И крикнули французы: «Монжуа!»^[61]
Кто этот крик в бою слышал хоть раз,
Тот видел тех, кому неведом страх.
Погнали тут коней французы вскачь.
Как шпорят их они, как лихо мчат!
Осталось им одно – рубить сплеча,
Но и арабов трудно испугать.
И вот уж грудь на грудь сошлись войска.

ХСІІІ

Марсилиев племянник Аэльро
Пред войском мавров мчит во весь опор,
Язвит французов наших бранью злой:
«Эй, трусы, ждет вас ныне смертный бой.
Вас предал ваш защитник и оплот:
Зря бросил вас в горах глупец-король.
Падет на вашу Францию позор,
А Карл простится с правою рукой».
Роланд услышал, в ярый гнев пришел,
Коня пришпорил и пустил в галоп,
Язычнику нанес удар копьем,
Щит раздробил, доспехи расколол,
Прорезал ребра, грудь пронзил насквозь,
От тела отделил хребет спинной,
Из сарацина вышиб душу вон.
Качнулся и на землю рухнул тот.
В груди торчало древко у него:
Копье его до шеи рассекло.
Воскликнул граф Роланд над мертвецом:
«Презренный, ты сказал о Карле ложь.
Знай, не глупец и не предатель он.
Не зря он нам велел прикрыть отход.
Да не постигнет Францию позор!
Друзья, за нами первый бой! Вперед!
Мы правы, враг не прав – за нас господь».
Аой!

XCIV

Вон Фальзарон, Марсилию он брат.
Ему принадлежит, как лен, тот край,
Где Авирон с Дафаном^[62] жили встарь.
Мир нехристя коварней не видал.
Так у него огромна голова,
Что добрый фут уляжется меж глаз.
Разгневался он, что племянник пал,
Отъехал от своих, понесся вскачь
С арабским бранным кличем на устах.
Французам нашим он кричит в сердцах:
«Сражу вас, милой Франции на срам!»
Услышал Оливье, что крикнул мавр,
Коню в великом гневе шпоры дал,
Как истинный барон, нанес удар.
Пробил он щит, кольчугу в три ряда,
Копье в араба по значок вогнал
И замертво свалил его с седла.
Увидел граф, что умер подлый враг,
Сказал над трупом гордые слова:
«Трус, мне твоя угроза не страшна!
Друзья, вперед! Не одолеть им нас!»
И крикнул он французам: «Монжуа!»
Аой!

Вон нечестивый Корсали-бербер,
Король лежащих за морем земель.
К арабам держит он такую речь:
«Возьмем легко мы в битве этой верх:
Французов мало, нас – не перечеть.
Тех, что пред нами, вправе мы презреть.
Им не поможет Карл, их ждет конец.
Их всех до одного постигнет смерть».
Турпен услышал, яростью вскипел.
Тот мавр ему на свете всех мерзей.
Пришпорил он коня, приник к луке,
Врагу нанес удар что силы есть,
Щит раздробил, в куски разнес доспех,
Грудь распорол, переломил хребет.
Качнулся мавр, не усидел в седле,
Его с коня архиепископ сверг.
Турпен увидел, что пред ним мертвец,
И так сказал, сдержать не в силах гнев:
«Неправду ты изрек, поганый лжец!
Карл, наш сеньер, – защита нам и здесь.
Не опозорим мы себя вовек:
Сумеем вас унять и одолеть.
Всем вашим будет то же, что тебе.
За нами – первый бой! Друзья, смелей!
Победу нам послал господь с небес!»
И возгласил он «Монжуа!» затем.

ХСVІ

Вот пал сеньер Бригана Мальприми.
Жерен его ударил в добрый щит,
Навершный шип из хрусталя разбил.
Щит лопнул, разлетелся на куски.
Конец копья через доспех проник,
И граф оружие в грудь врагу всадил.
С коня свалился мертвым сарацин,
Чью душу тут же черти унесли.
Аой!

XCVII

Разит и граф Жерье под стать собрату:
Пробил он щит и панцирь амирафля^[63].
В живот ему свое копьё направил,
Пронзил его насквозь одним ударом,
С коня свалил на землю бездыханным.
Граф Оливье воскликнул: «Бой удачен!»

ХСVIII

Самсон на альмасора наскочил,
Копьем ударил в золоченый щит.
Язычнику доспех не пособил:
До легких герцог грудь ему пронзил,
Его с коня, на горе маврам, сшиб.
«Вот доблестный удар!» – Турпен кричит.
Аой!

XCIX

Вон Ансеис коня галопом гонит,
Вступает в бой с Торжисом Тортелозским,
В щит метит, под навершье золотое.
Пробил он бронь с подкладкою двойною,
Копьем пронзил язычнику утробу,
Прогнал сквозь тело наконечник острый,
С коня араба наземь мертвым сбросил.
Роланд воскликнул: «Вот удар барона!»

С

Бордосец Анжелье, гасконский рыцарь,
Поводья бросил, шпорит что есть силы,
С вальтернцем Эскреми спешит схватиться.
На шее мавра щит висел – разбился,
Копье сквозь кольца панциря проникло.
Промеж ключиц глубоко в грудь вонзилось.
Язычник мертвым с лошади свалился.
«Вы все умрете!» – молвил победитель.
Аой!

CL

На Эсторгана ринулся Атон,
Ударил в щит из кожи расписной,
Рассек багряно-белый верх его,
Пробил кольчугу нехрестя насквозь,
Всадил в араба острое копье,
С коня на землю сбросил труп толчком
И молвил: «Смерть постигнет весь ваш род!»

СЛІ

Эстрамарена Беранже теснит.
Щит нехристю он раздробил в куски,
Рассек доспехи, в грудь копьё всадил,
Сразил врага среди тысяч сарацин.
Уже десятый пэр у них убит.
Лишь двое до сих пор еще в живых
– Шернобль и с ним красавец Маргари.

СІІІ

Был этот Маргари собой хорош,
Могуч, неустрашим, проворен, спор.
На Оливье коня направил он,
Навершный шип щита разбил копьем,
С размаху им ударил графа в бок,
Но тела не задел – не дал господь.
Мавр выбить графа из седла не смог
И мимо пролетел во весь опор,
В рог затрубил: скликает рать на бой.

Сраженье грозно, и враги упорны.
Роланд бесстрашно рвется в гущу боя,
Бьет так, что не выдерживают копья:
Уже пятнадцать раз он брал другое.
За Дюрандаль он взялся, меч свой добрый,
К Шерноблю скакуна галопом гонит.
Шлем, где горит карбункул, им раздроблен.
Прорезал меч подшлемник, кудри, кожу,
Прошел меж глаз середкой лобной кости,
Рассек с размаху на кольчуге кольца
И через пах наружу вышел снова,
Пробил седло из кожи золоченой,
Увяз глубоко в крупе под попоной.
Роланд коню ломает позвоночник,
На землю валит всадника и лошадь
И молвит: «Нехристь, зря сюда пришел ты!
Ваш Магомет вам нынче не поможет.
Не одержать победы маврам подлым».

Вот граф Роланд по полю битвы скачет.
И рубит он и режет Дюрандалем.
Большой урон наносит басурманам.
Взглянуть бы вам, как он громит арабов,
Как труп на труп мечом нагромождает!
И руки у него в крови и панцирь,
Конь его залит от ушей до бабок.
Граф Оливье разит под стать собрату,
И остальные пэры бьются славно.
Врага французы косят и сражают,
Без чувств и без дыханья валят наземь.
Турпен сказал: «Бароны наши храбры»,
– И бросил войску: «Монжуа!» – клич Карла.
Аой!

Граф Оливье несется полем вскачь.
Обломок древка у него в руках.
Он Мальзарону им нанес удар,
Щит расписной сломал, разбил шишак,
У мавра вышиб из орбит глаза,
И вылетел на землю мозг врага.
Убил еще семьсот неверных граф,
Торжиса с Эсторгосом покарал,
Но и свое копье вконец сломал.
Роланд воскликнул: «Вы сошли с ума!
Жердь для подобной битвы не годна.
Железо, друг, потребно здесь и сталь.
Да разве Альтеклера^[64] нет у вас,
Отделанного золотом меча?»
«Я бью арабов, – Оливье сказал.
– Мне меч из ножен недосуг достать».
Аой!

CVII

Граф Оливье достал свой меч из ножен,
Желанье побратима он исполнил,
Меч обнажил пред ним, как рыцарь добрый.
Вот с ним Жюстен из Валь-Ферре сошелся.
Граф в голову ему удар наносит,
И череп рассекает, и утробу,
И все седло с отделкой золоченой.
Хребет коню сломал своим клинком он,
С седла на землю сарацина сбросил.
«Вы брата мне милей! – Роланд промолвил.
– Оценит наш король удар столь мощный».
Клич: «Монжуа!» – ему повсюду вторит.

CVIII

Несет Жерена в бой скакун Сорель,
И мчит Жерье горячий Пассесерф^[65].
Тот и другой пришпорили коней,
На Тимозеля мчат что силы есть.
Ударил в щит Жерен, в броню Жерье.
Сломались копья, раздробив доспех.
На луг свалился мертвым Тимозель.
Не слышал я, и неизвестно мне,
Кто из двоих нанес удар быстрей...
Эперварена, чей отец – Борель,
Сразил в бою бордосец Анжелье.
Турпенom наземь сброшен Сиглорель,
Уже бывавший в пекле чародей:
Юпитер^[66] ад ему помог узреть.
Сказал Турпен: «Коварен был злодей».
Роланд в ответ: «Язычнику конец.
Мне мил такой удар, друг Оливье!»

Все яростней, все беспощадней схватка.
И мавры и французы бьются славно.
Одни разят, другие отражают.
Взглянуть бы вам, как копья там кровавят.
Как рвутся в клочья и значки и стяги,
Как в цвете лет французы погибают!
Ждут матери и жены их напрасно,
Напрасно ждут друзья за перевалом.
Аой!
Великий Карл терзается и плачет,
Но помощь им – увы! – подать не властен.
На смерть обрек их Ганелон-предатель:
Он в Сарагосе продал их арабам.
Но не ушел изменник от расплаты:
Был в Ахене разорван он конями.
Подверглось тридцать родичей с ним казни
– Никто из них не вымолил пощады.
Аой!

Ужасен бой, и сеча жестока.
Разят Роланд и Оливье врага,
Разит Турпен – ударам нет числа.
Бьют остальные пэры им под стать.
Французы рубят сарацин сплеча.
Погибло много тысяч басурман.
Кто бегством не спасется от меча,
Тот рад не рад, а должен жизнь отдать.
Но тяжки и потери христиан.
Не видеть им ни брата, ни отца,
Ни короля, который ждет в горах.
Над Францией меж тем гремит гроза,
Бушует буря, свищет ураган,
Льет ливень, хлещет град крупней яйца,
И молнии сверкают в небесах,
И – то не ложь! – колеблется земля.
От Ксантена и до нормандских скал,
От Безансона и по Уиссан^[67]
Нет города, где стены не трещат,
Где в полдень не царит полночный мрак.
Блестят одни зарницы в облаках.
Кто это видит, тех объемлет страх.
Все говорят: «Настал конец векам,
День Страшного господнего суда».^[68]
Ошиблись люди, не дано им знать,
Что это по Роланду скорбь и плач.

Французы бьют без промаха врагов.
Арабы понесли большой урон:
Из сотни тысяч двое не спаслось.
Сказал Турпен: «Бесстрашен наш народ.
С ним не сравнится никакой другой.
В „Деяньях франков“^[69] писано о том,
Что Карл один имел таких бойцов».
Французы полю делают обход,
Собратьев ищут в гудах мертвецов,
Скорбят по ним, сдержать не могут слез,
Меж тем Марсилья рать на них ведет.
Аой!

СХІІ

Ведет Марсильи войско по ущельям.
Дружины, с ним идущие, несметны:
Полков за двадцать будет там, наверно.
Горят у всех на шишаках каменя,
Блестят щиты и пышные доспехи.
Семь тысяч труб трубят перед сраженьем,
Оглашена их ревом вся окрестность.
Такую речь Роланд к собрату держит:
«Обрек нас Ганелон-предатель смерти.
Теперь уже сомненья нет в измене,
Но уготовит Карл ему отмщенье.
Нам предстоит неслыханная сеча
– Страшнее битвы не было от века.
Я буду Дюрандалем бить неверных,
А вы, мой друг, разите Альтеклером.
Мы с ними побывали в стольких землях,
Добыли ими не одну победу.
Так пусть о нас не сложат злую песню».
Аой!

СХІІІ

Марсилий видит мавров перебитых.
В рога и трубы затрубить велит он,
В седло садится, в бой ведет дружины.
Араб Абим^[70] пред войском первый мчится.
На свете нет коварней сарацина.
Злодейств немало свершено им в жизни.
Не чтит он сына пресвятой Марии.
Угля и сажи он чернее видом.
Милей ему измена и убийство
Всех кладов и сокровищ галисийских^[71].
Никто его смеющимся не видел.
Отважен он до безрассудства в битве.
За то его и любит так Марсилий:
Свой стяг с драконом вверил он Абиму.
Но этот мавр Турпену ненавистен,
Схватиться жаждет с ним архиепископ
И молвит про себя невозмутимо:
«А этот мавр, как видно, нечестивец.
Убить его я должен иль погибнуть:
Я сам не трус и не люблю трусливых».
Аой!

Турпен коня на сарацин направил,
А тем конем владел Гроссаль^[72] когда-то
– Король датчан, от рук Турпена павший.
Несет Турпена в бой скакун поджарый.
На загляденье у него все стати:
Короткий в бедрах, длинен он боками;
Подъемистый в седле, широк он задом;
Хвост белый у него при гриве чалой;
Он мордой рыжеват и мал ушами,
Коню такому нет на свете равных.
Архиепископ шпорит лошадь рьяно,
С разгона на Абима налетает,
Бьет в щит, который дивно изукрашен:
Горят на нем бериллы и топазы,
Алмазы и карбункулы сверкают.
Сам сатана добыл их в Валь-Метасе,
Абиму ж их эмир Галафр^[73] доставил.
Турпен ударил мавра беспощадно.
Сломался щит, не выдержал удара.
Прошло копье сквозь тело басурмана,
И бездыханным он свалился наземь.
Французы молвят: «Вот вассал отважный!
Врагу свой посох не отдаст наш пастырь».

Французы видят: враг велик числом
И окружил их рать со всех сторон,
Бросают Оливье с Роландом зов,
Зовут двенадцать пэров, свой оплот.
Турпен их увещает, в свой черед:
«Друзья, гоните мысль о бегстве прочь!
Да не попустит всеблагой господь,
Чтоб всех нас помянули в песне злой!
Уж если гибнуть, так вперед лицом.
Да, нынче умереть нам суждено.
Мы до конца прошли наш путь земной.
Но я душой моей ручаюсь в том,
Что вам сужден по смерти рай святой.
В сонм мучеников вас допустит бог».
Французов ободрила речь его.
Клич «Монжуа!» они бросают вновь.
Аой!

CXVI

Был меж арабов сарагосец некий
– Он полстолицы в подчиненье держит.
То – Климорен^[74], коварный от рожденья.
Совет держал с ним Ганелон-изменник,
Лобзанье принял от него при встрече,
Шлем получил с рубином драгоценным.
Французов посрамить грозится нехристь.
Сорвать корону с Карла он намерен.
Конь Барбамош под ним, скакун отменный.
Он ласточки и ястреба быстрее.
Араб дал шпоры, отпустил уздечку,
И на гасконца Анжелье наехал.
Не помогли тому его доспехи.
Копье вогнал ему неверный в тело
Так, что наружу вышел наконечник.
Пронзен насквозь, пал Анжелье на землю.
Воскликнул мавр: «Язычники, смелее!
Таких, как этот, враз мы одолеем».
Французы молвят: «Тяжкая потеря!»
Аой!

СХVII

Взывает к графу Оливье Роланд:
«Мой побратим, смерть Анжелье взяла.
Храбрый барона не было у нас».
Ответил Оливье: «Отмстим, бог даст».
Всадил золотые шпоры в скакуна,
Кровавый Альтеклер рукою сжал,
Коня направил прямо на врага,
Удар нанес, и рухнул наземь мавр,
Чью душу черти потащили в ад.
С ним вместе герцог Альфайенский пал.
Убил Эскабаби^[75] отважный граф,
Семь арабитов вышиб из седла
– Не воевать им больше никогда.
Сказал Роланд: «Разгневан мой собрат.
Он подал мне и всем пример сейчас:
Такой лихой удар оценит Карл.
Разите мавров, рыцари, сплеча!»
Аой!

СХVІІІ

Вот Вальдаброн-язычник мчится в бой.
Воспитан был им встарь Марсилией злой.
В четыреста судов он водит флот.
Он вождь всех сарацинских моряков.
Взял Иерусалим изменой он,
И Соломонов храм им осквернен,
И патриарх убит пред алтарем.
Ему поклялся в дружбе Ганелон.
Он наградил предателя мечом.
Под ним скакун по кличке Грамимон.
Быстрее, чем сокол, этот борзый конь.
Язычник мчит на нем во весь опор
Туда, где рубит мавров дук Самсон.
Он щит ему разбил, прорезал бронь,
Вплоть до значка копье вогнал в него.
Сшиб пэра и кричит над мертвецом:
«Арабы, в бой! Мы верх возьмем легко!»
Французы молвят: «Горе, пал барон!»
Аой!

СХІХ

Роланд увидел, что Самсон погиб,
Великий гнев и горе ощутил,
Коню дал шпоры, повод отпустил,
Свой Дюрандаль, бесценный меч, схватил,
Ударил Вальдаброня что есть сил,
Шлем, где горят каменья, разрубил,
Лоб, и броню, и тело раскрыл,
Седло с отделкой золотой пронзил,
Клинком коню хребет переломил,
Убил и мавра и коня под ним.
«Жесток удар!» – воскликнули враги.
«Я ненавижу вас! – Роланд кричит.
– Мы служим правде; вы, злодеи, – лжи».
Аой!

СХХ

Был некий нехристь-африканец там
– Сын короля Малькюда – Малькиан^[76].
Его доспехи золотом горят,
Ни у кого нет столь блестящих лат.
Конь Сальтперту^[77] под ним несется вскачь,
На свете нет резвее скакуна.
С копьем на Ансеиса грянул мавр,
В лазурно-алый щит нанес удар,
Рассек броню на графе пополам,
До половины древко в плоть вогнал.
Свой путь земной свершил и умер граф.
Французы восклицают: «Горе нам!»

Но тут архиепископ мимо ехал,
А он таков, что ни один священник
Не превзошел его в деяньях смелых.
Он молвил: «Бог тебя накажет, нехристь.
О том, кого ты сшиб, скорблю я сердцем».
Коня на мавра он погнал карьером,
Ударил Малькиана в щит толедский,
И мертвым наземь был араб повержен.

СХХІІ

Вон королевич именем Грандоний,
Каппадокийца^[78] Капуэля отпрыск.
Резв и горяч скакун его Марморий.
Как птица, он летит по полю боя.
Наездник бросил повод, шпорит лошадь,
Жерена что есть силы бьет с разгона,
По алому щиту удар наносит.
Копье сломало на кольчуге кольца,
До желтого значка вошло в утробу.
Свалился граф с коня на холм высокий.
Его собрат Жерье сражен был тоже,
Убиты Беранже, и Ги Сентонжский,
И славный герцог, удалец Асторий,
Чей лен – Анвер и Валлери на Роне.
Злодей, на радость маврам, их прикончил.
Французы молвят: «Гибнет наших много».

СХХІІІ

Роланд кровавый Дюрандаль сжимает.
Он слышит, как французы застонали.
В груди его от скорби сердце сжалось.
Он мавру молвит: «Бог тебя накажет.
Ты за убитых мне сейчас заплатишь».
Коня он шпорит, мчится на араба.
Кто б верх ни взял, ужасна будет схватка.

СХХІV

И мудр и смел Грандоний был всегда,
В сраженьи никогда не отступал.
Пустил он на Роланда скакуна.
Хоть графа он увидел в первый раз,
Но вмиг его узнал по блеску глаз,
По статности, по красоте лица.
Невольный страх почувствовал араб,
Попробовал, но не успел бежать
– Роланд нанес ему такой удар,
Что по забрало шлем пробила сталь,
Сквозь лоб, и нос, и челюсти прошла,
Грудь пополам с размаху рассекла,
И панцирь, и луку из серебра.
Роланд коню спинной хребет сломал,
Убил и скакуна и седока.
Испанцы стонут – их печаль тяжка.
Французы молвят: «Лихо рубит граф!»
Ужасен бой, и сеча жестока.
Французы на копье берут врага.
Когда бы привелось увидеть вам,
Как мрут бойцы, как хлещет кровь из ран,
Как трупы грудой на траве лежат!
Не устоять язычникам никак
– Хотят иль нет, а надо отступать.
Французы их теснят и гонят вспять.
Аой!

CXXV

Ужасна сеча, бой жесток и долог.
Французы бьются смело и упорно,
Арабам рубят руки, ребра, кости
И сквозь одежду в них вгоняют копья.
Зеленая трава красна от крови.
Арабы стонут: «Устоять нет мочи.
Французский край, будь Магометом проклят.
Твои сыны – отважней всех народов».
Марсилию кричат все мавры в голос:
«Король, поторопись подать нам помощь!»

Вот графа Оливье Роланд зовет:
«Мой побратим, согласны вы со мной,
Что пастырь наш Турпен – боец лихой?
Никто на свете не затмит его.
Разит он славно дротом и копьем».
Ответил тот: «Пора ему помочь».
И оба в битву поскакали вновь.
Удар их мощен, грозен их напор,
И все же христианам тяжело.
Когда бы вам увидеть привелось,
Как Оливье с Роландом бьют мечом,
Как мавров на копье Турпен берет!
Известно павших сарацин число
– И в грамотах и в жесте есть оно:
Их было тысяч свыше четырех.
Четырежды французы дали бой,
Но пятый был особенно жесток.
Всех рыцарей французских он унес.
Лишь шестьдесят от смерти спас господь,
Но сладить с ними будет нелегко.
Аой!

СХХVII

Роланд увидел – велики потери
И к Оливье такое слово держит:
«Собрат, я вам клянусь царем небесным,
Весь луг телами рыцарей усеян.
Скорблю о милой Франции я сердцем:
Защитников она лишилась верных.
Ах, друг-король, опора наша, где вы?
Брат Оливье, скажите, что нам делать?
Как королю послать о нас известье?»
Ответил граф: «Не дам я вам совета.
По мне, погибель лучше, чем бесчестье».
Аой!

СХХVІІІ

Роланд сказал: «Возьму я Олифан^[79]
И затрублю, чтоб нас услышал Карл.
Ручаюсь вам, он повернет войска».
Граф Оливье ответил: «Нет, собрат.
Вы род наш осрамите навсегда.
Не смыть вовек нам этого пятна.
Не вняли вы, когда я к вам взывал,
А ныне поздно нам на помощь звать.
Бесчестьем было б затрубить сейчас
– Ведь руки вплоть до плеч в крови у вас».
«То вражья кровь!» – воскликнул граф Роланд.

СХХІХ

Промолвил граф Роланд: «Ужасна сеча!
Я затрублю, и Карл сюда поспеет».
Ответил Оливье: «То нам не к чести.
Я к вам взывал, но внять вы не хотели.
Будь здесь король, мы гибели б избегли,
Но тех, кто с Карлом, упрекнуть нам не в чем.
Собрат, клянусь вам бородой моею,
Что, если вновь с сестрицей Альдой встречусь,
Она с Роландом ложе не разделит». [\[80\]](#)
Аой!

Спросил Роланд: «Чем так вы недовольны?»
А тот ответил: «Вы всему виною.
Быть смелым мало – быть разумным должно,
И лучше меру знать, чем сумасбродить.
Французов погубила ваша гордость.
Мы королю уж не послужим больше.
Подай вы зов, поспел бы он на помощь
И не избегли б нехристи разгрома,
Король Марсиль – плена или гроба.
Нам ваша дерзость жизни будет стоить,
Теперь вы Карлу больше не помощник.
Вовек он не найдет слуги такого.
Вы здесь умрете, Франции на горе,
И наша дружба кончится сегодня:
До вечера мы дух испустим оба».
Аой!

Архиепископ спор услышал их,
Златые шпоры в скакуна вонзил,
Подъехал и с упреком говорит:
«Роланд и Оливье, друзья мои,
Пусть вас господь от ссоры сохранит!
Никто уже не может нас спасти,
Но все-таки должны вы затрубить.
Услышит Карл, неверным отомстит,
Французы маврам не дадут уйти.
Сойдут они со скакунов своих,
Увидят нас, изрубленных в куски,
Оплачут нашу смерть от всей души,
Нас приторочат к мулам на выюки
И прах наш отвезут в монастыри,
Чтоб нас не съели свиньи или псы».
Роланд в ответ: «Умней не рассудить».
Аой!

СXXXII

Свой Олифан Роланд руками стиснул,
Поднес ко рту и затрубил с усиьем.
Высоки горы, звонок воздух чистый.
Протяжный звук разнесся миль на тридцать.
Французы слышат, слышит Карл Великий.
Он молвит: «Наши с маврами схватились».
Но уверяет Ганелон в противном:
«Не будь то вы, я речь назвал бы лживой».
Аой!

СХХХІІІ

В свой Олифан трубит Роланд с трудом.
Превозмогает он тоску и боль.
Стекает с губ его густая кровь,
С натуги лопнул у него висок.
Разнесся зов на много миль кругом.
Услышали его в ущельях гор
И Карл, и все французы, и Немон.
«Я слышу Олифан, – сказал король.
– А раз Роланд трубит, там грянул бой».
«Какой там бой! – ответил Ганелон.
– Вы – человек и старый и седой,
А, как ребенок, говорите вздор.
Все знают, что Роланд ваш – сумасброд.
Как только спесь ему прощает бог!
Вас не спросясь, он взял когда-то Нопль^[81].
Сразились с ним арабы у ворот.
Он изрубил их всех до одного
И вымыть луг водой велел потом,
Чтоб не узнали вы о битве той.
Теперь, наверно, зайца гонит он
Иль пэров потешает похвальбой.
Помериться с ним не дерзнет никто.
Вперед! Зачем задерживать бойцов?
До Франции идти им далеко».
Аой!

CXXXIV

Уста покрыты у Роланда кровью,
Висок с натуги непомерной лопнул.
Трубит он в Олифан с тоской и болью.
Карл и французы слушают в тревоге.
«Как долог зов!» – король Немону молвит.
А тот в ответ: «Беда стряслась с бароном.
Я вам клянусь, дерутся там жестоко.
Изменник тот, кто задержать вас хочет.
Доспех наденьте, клич свой ратный бросьте,
Ведите нас племяннику на помощь.
Вы слышали, как он о ней вас просит».

Король велел трубить во все рога.
Рать спешила, в доспехи облеклась.
Все при кольчугах, шишаках, мечах,
Булатных копьях, расписных щитах.
Значок копейный бел, иль желт, иль ал.
На скакунов опять садится рать.
Бароны шпорят, по ущельям мчат,
У каждого одно лишь на устах:
«Когда б в живых Роланда нам застать,
Узнал бы враг, как мощен наш удар».
Увы, на помощь не успеет Карл.

Садится солнце, но горит светло.
Блестит в лучах оружие бойцов,
Пылает и слепит глаза огонь
– Так много там сверкает шишаков,
Цветных значков и расписных щитов.
Мчит император, ярим гневом полн,
Французы скачут в горести большой.
Скорбят они, сдержать не могут слез,
Боятся, что унес Роланда бой.
Взять Ганелона приказал король.
Велел, чтобы стерег его Бегон,
Начальник всех придворных поваров:
«Глаз не спускай с него: изменник он.
Арабам предан им племянник мой».
Отвел на кухню Ганелона тот.
До сотни поваров туда сошлось.
Рвет каждый графу бороду рукой,
Четырежды бьет кулаком в лицо,
Злодея лупит палкой иль кнутом.
За шею был прикован Ганелон,
На цепь посажен, как медведь лесной,
На клячу взгроможден и сдан в обоз,
Где до суда так и везли его.
Аой!

CXXXVII

Высоки горы, мрачен склон и крут,
Ущельями потоки вниз бегут.
Со всех сторон несутся звуки труб:
Ответ французы Олифану шлют.
Мчит император, гневен и угрюм,
От горя у баронов рвется грудь,
Ручьями слезы по лицу текут.
Все молятся всевышнему творцу,
Чтоб охранил Роланда он в бою,
Пока они на помощь не придут.
Увы, молитвой не поможешь тут.
Им не поспеть на выручку к нему.
Аой!

СXXXVIII

В великом гневе мчится император,
Поверх кольчуги – борода седая^[82].
Коней бароны шпорят, понукают,
Рыдают от печали и досады,
Что рядом не сражаются с Роландом,
Который бой дает испанским маврам;
Конец его бойцам, коль графа ранят.
Увы, всего их шестьдесят осталось.
Но мир не видел воинов, им равных.
Аой!

СХХХІХ

Взглянул на склоны мрачные Роланд.
Везде французы мертвые лежат.
По-рыцарски их всех оплакал граф:
«Да упокоит бог, бароны, вас,
Да впустит ваши души в светлый рай
И даст возлечь вам на святых цветах^[83].
Мир доблестней вассалов не видал.
Служили вы мне долгие года,
Со мною покорили много стран.
Вас вырастил, себе на горе, Карл.
Французский край, прекрасная страна,
Ты тяжкую утрату понесла!
Бароны, ваша смерть – моя вина:
Ведь я не уберег вас и не спас.
Пускай господь за муки вам воздаст.
Брат Оливье, я с вами – до конца:
Коль не убьют, умру с тоски по вам.
Мой побратим, нам снова в бой пора».

Опять Роланд по полю боя мчит,
Как истинный вассал, мечом разит:
Фальдрона из Пюи перерубил
И двадцать с лишним нехристей убил,
– Никто еще так яростно не мстил.
Быстрее, чем олень от псов бежит,
Арабы рассыпаются пред ним.
«Вот истинный барон! – Турпен кричит.
– Быть рыцарю и следует таким.
Кто взял оружие и в седле сидит,
Тот должен быть и смел, и полон сил.
Тот и гроша не стоит, кто труслив.
Пускай себе идет в монастыри,
Замаливает там грехи других».
Роланд в ответ: «Вперед! Смелей руби!»
Вновь мавров бить французы принялись,
Но падает немало их самих.

Кого в бою не плен, а гибель ждет,
Тот даром жизнь свою не отдает.
Французы бьются яростнее львов.
Вот мчит Марсиль, как лихой барон.
Под ним скакун по имени Ганьон^[84],
Он на Бевона^[85] устремил его.
Бевон держал, как лен, Дижон и Бон^[86].
Мавр щит и бронь пробил ему копьем,
Француза вышиб из седла легко.
Убиты им Иворий и Ивон^[87],
Жерар из Руссильона им пронзен.
По счастью, был Роланд недалеко.
Он молвил: «Да сразит тебя господь!
Ты, сарацин, убил моих бойцов,
Но без расплаты с поля не уйдешь.
Знакомство ты сведешь с моим мечом».
Ударил граф, как истинный барон,
– Простился с кистью правою король.
На Журфалея грянул граф потом,
Марсилиеву сыну череп снес.
Взывают мавры: «Магомет, наш бог,
Отмсти же Карлу за твоих сынов!
Злодеев сущих здесь оставил он
– Умрут, но не отступят ни за что».
Вопит вся рать: «Бежим отсюда прочь!»
Ушло арабов с поля тысяч сто,
Как ни зови, назад их не вернешь.
Аой!

CXLII

Король бежал, но мало пользы в этом:
Здесь альгалиф, Марсильев дядя-нехристь.
Гармалью, Карфаген, Альфрер^[88] он держит,
Проклятой Эфиопией владеет.
Ведет он племя черное в сражень
– Широконосых, большеухих негров.
Их будет там полсотни тысяч целых.
На бой они летят в великом гневе,
Бросают клич язычников победный.
Воскликнул граф Роланд: «Бароны, верьте,
Здесь мученический конец мы встретим.
Трус – тот, кто жизнь уступит за бесценок.
В бой, рыцари! Мечом разите метко,
Не на живот, а на смерть с мавром бейтесь,
Чтоб милой Франции не обесчестить.
Сеньер наш Карл придет на это место
– Увидит, что побита тьма неверных,
А наших трупов раз в пятнадцать меньше,
Благословит за это нас посмертно».
Аой!

СХLIII

Граф на безбожных негров посмотрел
И видит, что они чернил черней.
Лишь цвет зубов у басурманов бел.
Роланд сказал: «Бароны, верьте мне,
Мы все до одного поляжем здесь.
Французы, бейте нехристей смелей».
«Трус, кто отстанет!» – молвил Оливье
И ринулся врагам наперерез.

CXLIV

Арабы видят, что французов – горсть,
Твердят друг другу в радости большой:
«Не прав пред нашим богом их король».
Мчит альгалифа в битву рыжий конь,
Златою шпорой колет мавр его.
Он в спину Оливье разит копьем.
Кольчугу графа взрезало оно,
Навылет через грудь его прошло.
Смеется альгалиф: «Удар хорош!
Напрасно Карл оставил вас меж гор:
Он этим лишь нанес себе урон.
Тебя убив, я отомстил за все».

CXLV

Увидел Оливье – подходит смерть.
Сжал он свой вороненый Альтеклер,
Ударил мавра им по голове.
Шлем драгоценный лопнул на враге,
До челюстей рассек араба меч.
Граф альгалифа на землю поверг
И молвил: «Будь ты проклят, подлый лжец!
Что Карл разбит – не скажешь ты вовек
И перед дамой иль женой своей
Не станешь хвастать у себя в стране,
Что повредить нам хоть на грош сумел
– Мне иль другим, кто бился с вами здесь».
И Оливье позвал: «Роланд, ко мне!»
Аой!

CXLVI

Увидел Оливье, что смерть пришла,
Спешит неверным отомстить сполна.
В ряды арабов он коня вогнал,
Щиты и копья рубит пополам,
Пронзает руки, груди и бока.
Взглянуть бы вам, как крошит он врага,
Как валит мертвеца на мертвеца,
Сказали б вы: «Отважней нет бойца!»
Граф громко возглашает: «Монжуа!»
– Тот клич, с которым в битву мчится Карл.
Зовет Роланда он: «Ко мне, собрат!
Побудьте подле друга в смертный час.
Расстаться суждено сегодня нам».
Аой!

CXLVII

Роланд бросает взгляд на побратима.
Тот бледен и уже синеет ликом.
Из ран на теле кровь ручьем струится,
Всю мураву вокруг она смочила.
Граф молвит: «Как помочь, о вседержитель?
Собрат, отвага ваша вас сгубила.
Таких, как вы, не будет больше в мире.
Ах, край французский, милая отчизна,
Тебя утрата горькая постигнет.
Потерпит наш король ущерб великий».
И чувств от горя граф в седле лишился.
Аой!

CXLVIII

Когда бы вам их видеть привелось!
Один – чуть жив, лишился чувств – другой.
Граф Оливье ослаб, теряет кровь.
Так стало у него в глазах темно,
Что он узнать не может никого.
К нему подъехал побратим его,
А он по голове Роланда бьет,
Шлем золотой рассек на нем мечом,
Но сталь, по счастью, не задела лоб.
Роланда вмиг удар в себя привел,
Спросил у побратима кротко он:
«Намеренно ль вы подняли клинок?
Ведь я Роланд, что к вам любовью полн.
За что же вы мне платите враждой?»
А тот в ответ: «Не видит вас мой взор,
Хоть я и слышу звуки ваших слов.
Прошу простить, коль рану вам нанес».
Роланд к нему: «Я цел, свидетель бог,
И вас простить я перед ним готов».
Они друг другу отдали поклон,
Любовно распростились пред концом.

CXLIX

Увидел Оливье, что смерть подходит.
Запали у него глаза глубоко,
Слух отказал ему и зренье тоже.
Сошел со скакуна и наземь лег он,
В грехах, свершенных им, признался богу.
Вот руки он сложил и к небу поднял,
Впустить его в ворота рая просит,
За милый край родной, за Карла молит
И за Роланда, друга дорогого.
Остановилось сердце в нем, он дрогнул
И на траве во весь свой рост простерся.
Скончался граф и богу душу отдал.
Его собрат над ним рыдает горько.
Еще никто так не терзался скорбью.

Увидел граф Роланд, что друг убит,
Что головой к востоку он лежит,
Стал сокрушаться горестно над ним:
«Ты храбростью своей себя сгубил.
Ты был мне братом много лет и зим,
Друг другу не чинили мы обид.
Коль дух ты испустил – и мне не жить».
Так граф промолвил и без чувств поник
На скакуне, чье имя Вельянтиф.
Но в стремяна он ноги пропустил
И потому с коня не рухнул вниз.
Аой!

СLI

Едва Роланд в сознание пришел,
Оправился и сил набрался вновь,
Как он увидел, что проигран бой:
Все войско христиан костями легло,
Жив лишь Турпен и с ним Готье де л'Он.
Готье сошел к своим в долину с гор.
Он пораженье нехристям нанес,
Но потерял и всех своих бойцов.
Вернуться одному ему пришлось.
Зовет Роланда на подмогу он:
«О, где ты, граф, отважный мой сеньер?
С тобою не боюсь я никого.
Я – тот, кем Маэльгю был покорен,
Готье, чьим дядей был седой Дроон^[89].
По доблести я – сотоварищ твой.
Пробит мой щит, изломано копье,
Изрублена в куски мечами бронь,
И тело пронзено мое насквозь,
Но я арабам отплатил с лихвой».
Услышал граф – Готье зовет его,
Дал шпоры, поспешил Готье помочь.

СЛII

Вскипел Роланд от гнева и тоски,
В ряды врубился, стал врага косить,
Поверг на землю двадцать сарацин,
Шесть их – Готье и пять – Турпен убил.
Все войско нечестивое вопит:
«Друзья, уйти злодеям не дадим!
Позор тому, кто убоится их,
Бесчестие тому, кто их щадит!»
Со всех сторон несутся гам и крик,
Кольцом обстали рыцарей враги.
Аой!

СЛІІІ

Отважен и бесстрашен граф Роланд,
Готье де л'Он – боец ему под стать,
Архиепископ – опытен и храбр.
Прикрыть в бою собрата каждый рад.
Втроем они врубались в строй врага.
Сошла арабов тысяча с седла,
А сорок тысяч на конях сидят:
Боятся, видно, бой французам дать
И не подходят на длину меча,
Лишь копья мечут в них издалека.
Готье убили с первого броска,
Затем был ранен в голову прелат.
Проломлен щит его, пробит шишак,
Рассечена броня и пронзена,
Четыре пики разом в ней торчат.
Убили под Турпенем скакуна.
Увы, архиепископ наземь пал!
Аой!

CLIV

Турпен увидел – тяжело ранен он:
Четыре пики вонзены в него,
Но тут же встал, как истинный барон,
Взглянул вокруг, к Роланду подошел
И молвил: «Я еще не побежден.
Живым не сдастся в плен вассал честной».
Взял он Альмас, меч вороненый свой,
И тысячу ударов им нанес.
Воочью видел после наш король
– Четыреста арабов там легло:
Кто тяжело ранен, кто пронзен насквозь,
А кто и распростился с головой.
Так молвит жеста, пишет муж святой,
Барон Эгидий, зревший этот бой.
Хранится в Лане летопись его, [\[90\]](#)
И лишь невежда не слышал о том.

Безжалостно Роланд разит врага,
Но он в поту, в жару и жив едва.
От боли у него темно в глазах:
Трубя, виски с натуги он порвал.
Он хочет знать, вернется ль Карл назад,
Трубит из сил последних в Олифан.
Король услышал, скакуна сдержал
И говорит: «В горах беда стряслась.
Племянник мой покинет нынче нас.
Трубит он слабо, – значит, смерть пришла.
Коней пришпорьте, чтоб не опоздать.
Пусть затрубят все наши трубы враз».
Труб у французов тысяч шестьдесят,
Им вторит дол, и отзвук шлет гора.
Смолкает смех у мавров на устах.
«Подходит Карл!» – язычники вопят.
Аой!

CLVI

Язычники вопят: «Король подходит!
Иль не слышать вам труб французских голос?
Беда нам будет, если Карл вернется.
Покуда жив Роланд, войну не кончить,
Он всех нас из Испании прогонит».
И вот на графа мчатся в шлемах добрых
Четыре сотни сарацин отборных.
Их натиск рьян, удары их жестоки.
Роланда ждет нелегкая работа.
Аой!

CLVII

Увидел граф, что враг к нему спешит,
Стал снова лют, опять набрался сил.
Не сдастся он – не взять его живым.
На Вельянтифе резвом граф сидит,
Коня златою шпорой горячит.
Врывается он в гущу сарацин,
Турпен-архиепископ рядом с ним.
Кричат они друг другу: «Бей, руби!
Уже слышать французский рог вдали.
Подходит Карл, наш мощный властелин».

CLVIII

Не жаловал и не терпел Роланд
Ни труса, ни лжеца, ни гордеца,
Ни рыцаря, коль он плохой вассал.
«Сеньер, – отцу Турпену молвил граф,
– Хоть пеши вы, а я не сбит с седла,
Мы с вами вместе будем до конца,
Разделим скорбь и радость пополам.
Я ни на что не променяю вас.
Запомнят сарадины навсегда,
Как бьет Альмас и рубит Дюрандаль!»
Турпен в ответ: «Тому, кто дрогнул, – срам!
Вернется Карл и отомстит за нас».

CLIX

Вопят враги: «Будь проклят этот день!
На горе нам мы родились на свет.
Лишились мы сеньеров наших здесь.
Могучий Карл сюда спешит уже.
Рев труб французских слышен вдалеке.
Клич „Монжуа!“ летит ему вослед.
В бесстрашии Роланду равных нет,
С ним ни один не сладит человек.
Метай в него копье – и прочь скорей!»
Град пик и дротов в графа полетел.
Пустили мавры рой пернатых стрел.
Щит рыцаря пронизан ими весь.
Пробит и рассечен на нем доспех.
Хоть сам Роланд ни разу не задет,
Но Вельянтиф поранен в тридцать мест,
На землю он упал и околел.
Язычники бегут что силы есть.
Остался граф Роланд один и пеш.
Аой!

Полны арабы гнева и стыда.
Бегут они в Испанию назад,
Не может их преследовать Роланд:
Конь Вельянтиф под ним в сраженье пал.
Отныне пешим должен биться граф.
Турпену помощь он спешит подать!
Шлем золотой он развязал сперва,
Затем кольчугу расстегнул и снял,
Разрезал на куски его кафтан
И раны накрепко перевязал.
Потом к своей груди его прижал,
Отнес туда, где гуще мурава,
Стал перед ним смиренно речь держать.
«Сеньер, дозволейте мне покинуть вас.
Собратья наши мертвыми лежат,
Но бросить их не к чести было б нам.
Пойду я мертвых по полю искать.
У ваших ног на луг сложу их в ряд».
Турпен в ответ: «Несите их сюда.
Господь велик, оставил поле враг!»

Роланд обходит груды мертвецов.
Осматривает дол и горный склон.
Отысканы им Беранже, Атон,
Затем Жерен, Жерье, собрат его,
Спесивец Ансеис и дук Самсон,
Жерар из Руссильона, пэр седой.
Унес он их останки чередом,
К Турпену с ними возвратился вновь,
У ног его сложил тела бойцов.
Не мог сдержать архиепископ слез,
Благословил соратников рукой
И молвил: «Вас сгубил злосчастный бой.
Да упокоит ваши души бог
В раю небесном меж святых цветов.
И я умру – уже недолог срок.
Мне Карла увидеть не суждено».

CLXII

Вновь по полю Роланд побрел один,
Увидел: побратим его лежит.
Он поднял Оливье, прижал к груди,
Отнес к Турпену, наземь опустил.
С другими рядом положил на щит.
Прелат крестом всех пэров осенил.
А граф Роланд еще сильней скорбит.
Он молвит: «Оливье, мой побратим,
Тебя маркграф Ренье на свет родил,
Был он долин Рунерских^[91] властелин.
Щит расколоть, копьё переломить,
Спесивцу дать урок и страх внушить,
Наставить тех, кто честен и не лжив,
Злодея покарать и поразить
Не мог никто на свете так, как ты».

CLXIII

Увидел граф, что пэров больше нет,
Что умер друг любимый Оливье,
Скорбит и льет он слезы из очей,
Весь побледнел, меняется в лице.
Потом от скорби ослабел вконец,
Без памяти простерся на земле.
«Беда! Умрет барон», – сказал Турпен.

CLXIV

Турпен увидел – чувств лишился граф.
Ни разу так прелат не горевал.
Рукою он нащупал Олифан.
Со склона ключ сбегает в Ронсеваль.
Решил Турпен напиток графу дать.
Встает он, чтоб добраться до ключа.
Но стоит каждый шаг ему труда:
Немало крови потерял прелат.
Шатаясь, он прошел один арпан^[92],
Сознание утратил и упал,
В мучениях предсмертных ждет конца.

CLXV

Меж тем Роланд пришел в сознание вновь,
Встал на ноги, но скорбь томит его.
На горы и на дол он бросил взор.
Спят на траве все пэры вечным сном,
А подле них лежит Турпен-барон,
Архиепископ и слуга Христов.
Покаялся в грехах свершенных он
И обе руки к небесам простер,
Моля, чтоб в рай впустил его господь...
Почил Турпен^[93], кого любил король.
Служил он Карлу словом и мечом,
Разить неверных был всегда готов.
Да ниспошлет ему прощенье бог!
Аой!

CLXVI

Увидел граф – Турпен повержен наземь,
Из тела внутренности выпадают,
Сочится мозг, течет на лоб из раны,
А на груди, промеж ключиц прелата,
Белеют руки, сложены крест-накрест.
Блюдя родной обычай, граф восплакал:
«О рыцарь славный и рождением знатный,
Да смилуется царь небес над вами.
Вам со времен апостолов нет равных
В служенье нашей вере христианской,
В умении заблудшего наставить.
Пусть вашу душу бог от мук избавит,
Пред нею распахнет ворота рая».

CLXVII

Почуял граф, что смерть его близка,
Что мозг ушами начал вытекать.
За пэров молит бога он сперва,
А после, Гавриила за себя.
Чтоб не покрыл его посмертно срам,
Схватил он Олифан и Дюрандаль
И углубился в землю басурман
Намного дальше, чем летит стрела.
Два дерева там вниз глядят с холма,
Четыре глыбы мраморных лежат.
Граф на траву, недвижимый, упал,
Лишился чувств, встречает смертный час.

CLXVIII

Хребет высок, и высоки деревья.
Четыре глыбы мраморные блещут.
Граф на траве простерся без движенья.
Давно следит за ним один неверный.
Прикинулся он мертвым, лег на землю,
Испачкал кровью и лицо и тело.
К Роланду он кидается поспешно.
Смел этот нехристь и могуч сложеньем,
Объят смертельной злобою и спесью.
Он молвит, тронув графские доспехи:
«Племянник Карла побежден в сраженье.
Сей меч со мной в Аравию уедет».
Роланд открыл глаза при этой речи.

CLXIX

Почуял граф, что нет при нем меча,
Открыл глаза, арабу так сказал:
«Сдается мне, что родом ты не наш».
Взял он свой неразлучный Олифан,
Ударил мавра в золотой шишак,
Пробил и шлем и голову врага,
На землю вышиб из орбит глаза,
Труп нехристя свалил к своим ногам
И молвил: «Ты рехнулся, подлый мавр!
Тебе ли руку на Роланда класть?
У всех ты прослывешь за дурака.
Жаль, расколол свой рог я об тебя,
С него отбил все золото и хрусталь».

Почуял граф, что смерть его настигла,
Встал на ноги, собрал остаток силы,
Идет, хотя в лице и ни кровинки.
Пред темной глыбой он остановился,
По ней ударил десять раз сердито.
О камень меч звенит, но не щербится.
Граф молвит: «Богоматерь, помоги мне,
Пора нам, Дюрандаль, с тобой проститься.
Мне больше ты уже не годишься.
С тобой мы многих недругов побили,
С тобой большие земли покорили.
Там Карл седобородый правит ныне.
Владеть тобой не должен враг трусливый:
Носил тебя вассал неустрашимый,
Такого край наш больше не увидит».

Бьет граф теперь мечом по глыбе красной.
Сталь не щербится – лишь звенит о камень.
Он видит, что с клинком ему не сладить,
И начинает тихо сокрушаться:
«Мой светлый Дюрандаль, мой меч булатный,
Как ты на солнце блещешь и сверкаешь!
Ты в Морианском доле дан был Карлу
– Тебя вручил ему господний ангел,
Чтоб ты достался лучшему вассалу,
И Карл меня тобою препоясал.
С тобой я покорил Анжу с Бретанью,
С тобою Мэн и Пуату я занял;
С тобой громил я вольный край нормандский;
С тобой смирил Прованс, и Аквитанью,
И всю Романью, и страну ломбардцев;
С тобою бил фламандцев и баварцев;
С тобой ходил к полякам и болгарам;
С тобой Царьград принудил Карлу сдаться;
С тобой привел к повиновенью саксов,
Ирландцев, и валлийцев, и шотландцев,
И данниками Карла сделал англов;^[94]
С тобою вместе покорил все страны,
Где ныне Карл седобородый правит.
С тобой расстаться больно мне и жалко.^[95]
Умру, но не отдам тебя арабам.
Спаси нас, боже, от такого срама!»

CLXXII

Бьет граф Роланд теперь по глыбе серой.
Немало от нее кусков отсек он;
Сталь не щербится – лишь звенит, как прежде,
Меч, невредим, отскакивает кверху.
Граф видит – все усилья бесполезны
И тихо восклицает в сокрушенье:
«О Дюрандаль булатный, меч мой светлый,
В чью рукоять святыни встарь я вделал:
В ней кровь Василья, зуб Петра нетленный,
Власы Дениса, божья человека,
Обрывок риз Марии-приснодевы.
Да не послужит сталь твоя неверным.
Пусть лишь христианин тобой владеет,
Пусть трус тебя вовеки не наденет!
С тобой я покорил большие земли.
Наш Карл пышнобородый – их владетель.
Он ими правит с пользою и честью».

CLXXIII

Почуял граф – приходит смерть ему.
Холодный пот струится по челу.
Идет он под тенистую сосну,
Ложится на зеленую траву,
Свой меч и рог кладет себе на грудь.
К Испании лицо он повернул,
Чтоб было видно Карлу-королю,
Когда он с войском снова будет тут,
Что граф погиб, но победил в бою.
В грехах Роланд покаялся творцу,
Ему в залог перчатку протянул.
Аой!

CLXXIV

Почуял граф, что кончен век его.
К Испании он обратил лицо,
Ударил в грудь себя одной рукой:
«Да ниспошлет прощение мне бог,
Мне, кто грешил и в малом и в большом
Со дня, когда я был на свет рожден,
По этот, для меня последний, бой».
Граф правую перчатку ввысь вознес^[96],
Шлет ангелов за ним с небес господь.
Аой!

Граф под сосною на холме лежит.
К Испании лицо он обратил,
Стал вспоминать о подвигах своих,
О землях, что когда-то покорил,
О милой Франции и о родных,
О Карле, ибо тот его вскормил.
Он плачет – слезы удержать нет сил,
Но помнит о спасении души,
Вновь просит отпустить ему грехи:
«Царю небес, от века чуждый лжи,
Кто Лазаря из мертвых воскресил,^[97]
Кем был от львов избавлен Даниил,^[98]
Помилуй мою душу и спаси,
Прости мне прегрешения мои».
Он правую перчатку поднял ввысь.
Приял ее архангел Гавриил.
Граф головою на плечо поник
И, руки на груди сложив, почил.
К нему слетели с неба херувим,
И на водах спаситель Михаил,
И Гавриил-архангел в помощь им.
В рай душу графа понесли они.

CLXXVI

Роланд скончался, он в раю теперь.
Карл в Ронсеваль вернулся наконец.
Там ни тропинки, ни местечка нет,
Где б не лежал убитый на земле
Французский иль языческий боец.
«Где ты, племянник? – молвит Карл в тоске.
– Где вы, архиепископ, Оливье,
Жерен и побратим его Жерье?
Где вы, Атон и смелый Беранже,
Иворий и Ивон, что милы мне?
Где ты, гасконский рыцарь Анжелье?
Где дук Самсон и Ансеис-гордец?
Старик Жерар из Руссильона где?^[99]
Где пэры, коих я оставил здесь?»
Увы! Ни звука королю в ответ.
Карл восклицает: «Всеблагой творец,
Зачем я не был с ними в этот день!»
Рвет бороду, сдержать не может гнев.
Рыдает он, и с ним бароны все.
Без чувств там двадцать тысяч человек.
Седой Немон скорбит всего сильней.

CLXXVII

Нет рыцаря и нет барона там,
Чтоб в грудь себя не бил и не рыдал.
Горюют все о братьях и сынах,
О родичах, сеньерах и друзьях.
Без чувств от горя многие лежат.
Один Немон переборол печаль
И говорит, как истинный вассал:
«Вон там, в двух лье, не более, от нас,
Дорогу тучей пыль заволокла.
То восвояси нехристи спешат.
Вдогон поскачем, отомстим врагам».
Король в ответ: «Злодеи быстро мчат.
Создатель, помоги их покарать.
Цвет Франции погиб – то их вина».
Отона с Жебоэном он призвал,
Милона и Тибо им в помощь дал:
«Останьтесь дол и горы охранять
И тех, кто здесь сподобился конца,
Чтоб их ни лев, ни волк не растерзал,
Чтоб мертвецов никто не обобрал,
Чтоб не коснулась их ничья рука,
Пока не возвратимся мы назад».
Ответили бароны на приказ:
«Исполним все, сеньер и государь».
Им тысячу бойцов оставил Карл.
Аой!

CLXXVIII

Карл приказал полкам трубить поход.
В погоню он свои войска повел.
Арабы убегают от него,
Торопятся французы им вдогон.
Но видит Карл – темнеет небосвод.
На луг зеленый он с коня сошел,
Пал на траву лицом, мольбу вознес,
Чтоб солнце в небе задержал господь,
День удлинил и отодвинул ночь.
И вот услышал ангела король
– Тот ангел говорил с ним не впервой:
«Скачи, король, – продлится свет дневной.
Цвет Франции погиб – то видит бог.
Злодеям ныне ты воздашь за все».
Карл ободрился, вновь вскочил в седло.
Аой!

CLXXIX

Бог ради Карла чудо совершил
И солнце в небесах остановил.^[100]
Французы гонят вражие полки.
Карл в Вальтенебре^[101] нехристей настиг
И к Сарагосе сарацин теснит.
Его бароны бьют и рубят их,
Им отрезают к бегству все пути.
Арабы видят: Эбро^[102] впереди.
Быстрей и глубже не найти реки,
И нет на ней ни судна, ни ладьи.
Воззвали к Тервагану беглецы,
Попрыгали в поток, но не спаслись:
Доспехи увлекли на дно одних – Те утонули раньше остальных;
Других сперва снесло теченьем вниз;
Кто разом захлебнулся – тот счастлив.
Простились с жизнью в муках все враги.
Скорбят французы: «Граф Роланд погиб!»
Аой!

CLXXX

Увидел Карл, что истребил врага:
Кто от воды погиб, кто от меча.
Несметная добыча им взята.
Сошел король прославленный с седла,
На землю пал и восхвалил творца.
Когда он встал, уже погас закат.
Карл молвил: «Здесь мы сделаем привал.
Вернуться в Ронсеваль мешает мрак.
Да и коням не худо отдых дать.
Их разнуздать и расседлать пора.
Пускай всю ночь пасутся на лугах».
Французы говорят: «Король наш прав».
Аой!

CLXXXI

Остановился наш король на отдых.
Разбили стан французы в чистом поле,
Со скакунов усталых сняли седла,
Уздечки золотые сняли тоже
– Пускай идут пастись на луг зеленый,
Коль не нашлось для них иного корма.
Уснули прямо на земле бароны,
Забыли даже выставить дозорных.

CLXXXII

Вот на лугу лег император спать.
Его копье большое – в головах.
В доспехах он остался до утра.
Броня на нем, блестяща и бела,
Сверкает золотой его шишак,
Меч Жуайёз^[103] свисает вдоль бедра,
– Он за день цвет меняет тридцать раз.
Кто не слышал про острие копья,
Пронзившее распятого Христа?
Теперь тем острием владеет Карл.
Его он вправил в рукоять меча.
В честь столь большой святыни свой булат
Он Жуайёзом – «Радостным» – назвал^[104].
Тот меч французам памятен всегда:
Недаром клич их бранный – «Монжуа!»^[105],
Недаром их никто не побеждал.

CLXXXIII

Сияет месяц, и прозрачна ночь.
Горюет о племяннике король,
И графа Оливье жалеет он,
И пэров, и других своих бойцов,
Чьи трупы полнят ронсевальский дол.
Рыдает он, сдержать не может слез,
И молится, чтоб их простил господь.
Но утомил тяжелый день его.
Он обессилен и впадает в сон.
Лежат французы на поле пластом.
Свалились даже скакуны их с ног:
Траву жуют, а встать не могут вновь.
Да, тот учен, кто выучен бедой!

CLXXXIV

Уснул король – смертельно он устал.
Но Гавриила бог к нему послал,
Чтоб тот его оберегал от зла.
Архангел встал у Карла в головах
И в вещем сне явил его очам
Бой, что должны французы будут дать,
А это – грозный и тревожный знак.
Взор император поднял к небесам:
Лютуют там морозы, ветры, град,
Свирепствуют там бури и гроза.
Там молнии огнем слепят глаза
И прыщут на французские войска.
Сжигает пламя древки пик дотла,
Шипы золотые плавит на щитах,
Копье ломает у бойца в руках,
Коробит сталь брони и шишака.
С французами стряслась к тому ж беда:
Кидаются на них медведь и барс,
Шлет змей, драконов, василисков ад,
И тридцать тысяч хищных грифов мчат
– Хотят баронов Карла растерзать.
Карл слышит крик: «На помощь, государь!»
Скорбит король: ему вассалов жаль.
На выручку он силится бежать,
Но видит пред собой большого льва.
Из леса зверь выходит, зол и яр,
На короля бросается, рыча.
С чудовищем вступает в битву Карл.
Не знает он, чем кончится борьба,
Но крепко спит, открыть не может глаз. [\[106\]](#)

CLXXXV

Карл новый сон узрел за первым вслед.
Он в Ахене своем, пред ним медведь:
На цепь двойную им посажен зверь,
А тридцать подбегают от Арденн
И говорят на языке людей:
«Снимите, государь, с медведя цепь.
Не по закону взят он вами в плен.
Мы родича не отдадим на смерть».
Но из дворца проворный пес приспел,
Схватился с самым сильным из зверей
И покатился с ним по мураве.
Жестокий бой меж ними закипел,
Но Карл не знает, кто одержит верх.
Все это ангел дал ему узреть,
Но спит король – проснуться мочи нет.[\[107\]](#)

CLXXXVI

Марсильи возвратился в Сарагосу.
В тени оливы с лошади сошел он,
Свой меч, шишак и панцирь слугам отдал,
Обезображен, на траве простерся.
Лишился правой он руки по локоть,
Лежит без чувств, теряет крови много.
Вопит его супруга Брамимонда,
Над ним рыдает и от скорби стонет.
Вопят с ней двадцать тысяч царедворцев,
Клянут владыку Франции жестоко.
Стоял там Аполлен, их идол, в гроте.
Они к нему бегут, его поносят:
«За что ты, злобный бог, нас опозорил
И короля на поруганье бросил?
Ты верных слуг вознаграждаешь плохо».
Они сорвали с идола корону,
Потом его подвесили к колонне,
Потом свалили и топтали долго,
Пока он не распался на кусочки.
Карбункул с Тервагана ими сорван,
А Магомет повален в ров глубокий.
Его там псы грызут и свиньи гложут.

CLXXXVII

Король Марсилий вновь пришел в сознание.
Снести себя велит он слугам в спальню,
Где свод и стены роспись украшает.
Его супруга Брамимонда плачет,
Рвет волосы, зовет себя несчастной,
В отчаянии громко восклицает:
«О Сарагоса, стольный град арабов,
Твой славный властелин тобой утрачен!
Изменники и трусы боги наши:
Покинут ими он на поле брани.
Спасти нас лишь эмир^[108] отныне властен.
Позор ему, коль он за нас не встанет,
Не сломит этих христиан бесстрашных.
Пышнобородый Карл, их император,
Всегда был сумасброден и отважен:
От битвы сроду он не уклонялся.
Жаль, что убить его – не в силах наших».

CLXXXVIII

Великий император и король^[109]
Семь долгих лет в Испании провел,
В ней взял все города, все замки снес,
Марсилия поверг в испуг большой.
Войны еще не минул первый год,
Как в Вавилон^[110] Марсилиий шлет послов.
Там был эмиром Балиган седой.
Вергилия с Гомером старше он^[111].
Писал король, чтоб спас эмир его,
А если тот на помощь не придет,
Он отречется от своих богов,
И перейдет в святой Христов закон,
И с Карлом дело кончит мировой.
Войска эмир собрать не сразу смог,
– Ведь сорок стран он держит под рукой.
Он долго снаряжал могучий флот
– Галер и барж огромное число.
Александрия^[112] – порт его морской.
Там выждал он прибытья всех судов.
Лишь в мае, первой летнею порой,
Он отплыл во главе своих полков.

CLXXXIX

Языческие полчища несметны.
Гребут они, по ветру парус держат.
На мачтах и на самых верхних реях
Карбункулы и фонари алеют, [\[113\]](#)
Залито море их слепящим светом,
И в полночь вид его великолепен.
Вот впереди встает испанский берег.
От судовых огней он весь зарделся.
К Марсилию о том пришло известье.
Аой!

Флот Балигана не встает на отдых,
Из моря входит разом в пресноводье,
Минует и Марбризу и Марброзу^[114],
По Эбро вверх плывет без остановки.
Карбункулам и фонарям нет счета.
Озарена слепящим светом полночь.
К утру суда достигли Сарагосы.
Аой!

Сияет день, и солнце взор слепит.
На берег сходит Балиган с ладьи.
Направо от него – Эспанели.
Семнадцать королей идут за ним,
А герцогов и графов счесть нет сил.
Под лавром, на густой траве, в тени
Ковер парчовый, цветом бел, лежит.
Слоновой кости трон на нем стоит.
Воссел на трон языческий эмир.
Вкруг трона встать велит он остальным.
Все слушают, а он им говорит:
«Вот что скажу я, ленники мои!
Отныне Карл, французов властелин,
Куска не съест, коль мы не разрешим.
Испанию войной он разорил.
Во Францию ему приду я мстить.
Не дам ему вздохнуть, покуда жив.
Коль не захочет сдаться, он погиб».
И снял перчатку с правой он руки.

Эмир сказал – и слово сдержит он:
За все блага, что создал в мире бог,
На Ахен не отменит он поход.
Соратники одобрили его.
К себе двоих баронов он зовет:
Один был Кларифан, Кларьен – другой^[115].
«На свет родил вас Мальтрайен-король.
Он встарь бывал не раз моим послом.
Скачите в Сарагосу во всю мочь,
Марсилию скажите: прибыл флот,
С французами схватиться я готов,
Коль с ними встречусь, будет бой жесток.
Я дам мою перчатку вам с собой,
Ему наденьте на руку ее,^[116]
Вручите жезл вот этот золотой.
Пусть утвердиться он в правах придет,
И на французов гряну я войной.
Коль Карл передо мною не падет,
Коль не отринет он Христов закон,
Корону я с него сшибу мечом».
Арабы молвят: «Мудр у нас сеньер».

СХСІІІ

«Бароны, в путь! – воскликнул Балиган.
– Жезл и перчатку я вручаю вам^[117]».
Послы в ответ: «Мы едем, государь».
Они поспешно в Сарагосу мчат,
Минуют десять врат и три моста,
По улицам летят меж горожан,
Но в верхний город въехали едва,
Как слышат стон и вопли у дворца.
Там собралась язычников толпа,
Рыдают все, клянут богов, кричат:
«Да сгинут Магомет, и Терваган,
И Аполлен, что погубили нас.
Куда деваться нам, куда бежать?
Постигли нас беда и вечный срам.
Наш властелин Марсилиий жив едва:
Кисть правую отсек ему Роланд.
Пал белокурый Журфалей вчера.
Испанская земля в руках врага».
Послушали послы, сошли с седла.

CXCIV

С коней послы в тени оливы сходят
Двум слугам-маврам отдают поводья.
Один берет рукой за плащ другого.
Идут они по лестнице дворцовой,
Вступают в спальню короля, под своды
Дурной привет учтиво произносят^[118]:
«Пусть Магомет всесильный, в чьей мы в
И Терваган, и Аполлен наш грозный
От бед избавят короля с женою».
«вздор вы сказали, – молвит Брамимонда.
– Изменники и трусы наши боги^[119]:
Нам в Ронсевале не пришли на помощь,
В бою не защитили наше войско,
Не сохранили моего сеньера
– Проститься с правой кистью был он должен.
Отрублена она Роландом гордым.
Весь край испанский Карл захватит скоро.
Что делать мне, несчастной и бездольной?
Как жаль, что не убита до сих пор я!»
Аой!

«Уймись, госпожа! – сказал Кларьен.
– От Балигана принесли мы весть.
Он с войском к вам на выручку приспел.
Шлет королю перчатку он и жезл.
Поднялся флот его по Эбро вверх.
У нас четыре тысячи галер,
А барж, ладей, фелюг – не перечесть.
Эмир наш и могуществен и смел.
Отыщет Карла он в его земле,
Убьет или принудит сдаться в плен».
Так Брамимонда говорит в ответ:
«Французов может он найти и здесь.
Они воюют против нас семь лет.
Их император – доблестный боец.
Его не испугает даже смерть.
Пред ним дитя любой из королей.
С ним ни один не сладит человек».

СХСVІ

Марсильи молвил: «Помолчи, жена,
Ко мне им подобает речь держать.
Вы видите, послы, я жду конца.
Мне некому владенья завещать
– Имел я сына, но вчера он пал.
Пусть мой сеньер эмир придет сюда.
Я признаю, что я его вассал.
Коль хочет, пусть возьмет себе мой край,
Но только от врага избавит нас.
Я дам ему совет, как воевать
Так, чтоб за месяц был разгромлен Карл.
А вот ключи от Сарагосы вам,
Чтобы во всем мне верил Балиган».
Послы в ответ: «Вы мудры, государь».
Аой!

СХСVII

Послам Марсилиий молвил: «Император
Разбил моих людей, страну разграбил,
Взял и разрушил города и замки.
Теперь он с войском стал у Эбро станом.
Семь миль отсюда до него, не дальше.
Пускай эмир спешит туда с полками
И нанесет там поражение Карлу».
Дал он ключи от города посланцам.
Отвесили они поклон прощальный,
Расстались с ним, помчались в путь обратный.

СХСVIII

Послы вскочили на коней своих,
В тревоге к Балигану понеслись,
Приехали туда, где ждал эмир,
От Сарагосы подали ключи.
«Что вы видали? – он послов спросил.
– Что ж короля ко мне не привезли?»
Кларьен в ответ: «Он при смерти лежит.
Вчера французы по ущельям шли
– Во Францию вел император их.
Он арьергард надежный отрядил:
Там граф Роланд, его племянник, был,
И все двенадцать пэров вместе с ним,
И двадцать тысяч рыцарей лихих.
Король Марсиль с ними в бой вступил.
Он и Роланд в сражении сошлись.
Роландов меч Марсилиа настиг
И правой кисти короля лишил.
Граф и его наследника убил,
И рать арабов стер с лица земли.
Марсиль бегством должен был спастись.
Карл к Эбро по его следам спешит.
Король велел о помощи просить.
Испанию он вам отдать сулит».
Задумался эмир, челом поник,
Чуть не лишился разума с тоски.
Аой!

СХСІХ

Сказал Кларьен эмиру: «Государь,
Был в Ронсевале сильный бой вчера.
Погибли у французов граф Роланд,
Двенадцать пэров, коих любит Карл,
И вся двадцатитысячная рать.
Король лишился правой кисти там.
Карл вышел к Эбро по его следам.
У мавров нет ни одного бойца:
Кто уцелел в бою, погиб в волнах.
Французы у реки разбили стан.
Теперь рукой подать от них до нас,
И вам легко закрыть им путь назад».
Сверкнул глазами грозно Балиган,
Возликовал, услышав речь посла,
С престола поднялся и приказал:
«Бароны, пусть покинет рать суда.
Все на коней! Довольно медлить вам!
Коль не успеет старый Карл бежать,
Ему я отомщу за короля
– За кисть его он голову отдаст».

С судов арабы на берег сошли,
Седлают мулов и коней своих
И скачут в путь – что ж больше делать им'
Эмир в поход дружины проводил
И другу Жемальфену говорит:
«Ты под начал возьмешь мои полки».
Сам Балиган от войск отдельно мчит.
Летят четыре герцога за ним.
Вот в Сарагосу прибыли они.
К крыльцу подъехал, слез с коня эмир,
Ему четыре графа помогли.
К нему сбегает Брамимонда вниз,
На мраморных ступенях голосит:
«Увы мне, повелитель мой погиб!»
– И падает пред Балиганом ниц.
Эмир ей помогает встать с земли,
Идет наверх и вместе с ней скорбит.
Аой!

Король увидел – входит Балиган,
Двум слугам-сарацинам приказал:
«Приподнимите вы меня слегка».
Он в левом кулаке перчатку сжал
И молвил так: «Сеньер и государь,
Владения мои, и весь мой край,
И Сарагосу я вручаю вам.
Я и себя и рать сгубил вчера».
Эмир ему ответил: «Мне вас жаль,
Но медлить тут я не могу никак,
– Ведь Карл уйдет, меня не станет ждать.
Перчатку ж вашу я приму от вас».
Покой эмир покинул весь в слезах,
Аой!
По лестнице спустился до крыльца,
Сел на коня, догнал свои войска,
Вперед помчался, во главе их встал,
Бросает то и дело клич полкам:
«Вперед! Французы не уйдут от нас!»
Аой!

ССII

Чуть день взошел и небо озарилось,
Проснулся Карл, французов повелитель,
И Гавриил, сон короля хранивший,
Благословил его своей десницей.
Доспехи снял с себя король великий,
Бароны вслед за ним разоружились,
И поскакало войско торопливо
По тропам и дорогам в путь неблизкий,
Взглянуть на тех, кто пали и погибли
В день злополучной ронсевальской битвы.
Аой!

ССІІІ

Карл прискакал обратно в Ронсеваль,
При виде мертвых горько зарыдал,
Французам молвил: «Не спешите так.
Я впереди теперь поеду сам.
Племянника хочу я отыскать.
Раз в Ахене я новый год встречал.
Не мало собралось баронов там,
И каждый похвалялся тем, что храбр.
А мой племянник граф Роланд сказал,
Что, коль придется на чужбине пасть,
Он будет впереди своих лежать,
Спиной к отчизне и лицом к врагам,
Как победитель даже в смертный час».
Отстала свита на бросок копья.
На холм искать Роланда едет Карл.

ССІV

Карл стал искать Роланда на холме.
Там у травы не зелен – красен цвет:
Алеет кровь французская на ней.
Заплакал Карл – не плакать мочи нет,
Три глыбы он меж двух деревьев узрел,
На них увидел Дюрандаля след,
Близ них нашел племянника в траве.
Как мог король всем сердцем не скорбеть!
Он спешился там, где лежал мертвец,
Покойника прижал к груди своей
И с ним без чувств простерся на земле.

Король пришел в сознание опять.
Немон и Аселен, гасконский граф,
Брат Жоффруа Тьерри и Жоффруа
Снести его под сень сосны спешат.
Увидел Карл – лежит пред ним Роланд,
Оплакивать племянника он стал:
«Пусть, друг Роланд, господь простит тебя!
Тебе не будет равных никогда
В искусстве бой вести и побеждать.
Кто отстоит честь Карла от врага?»
И вновь король без чувств и сил упал.
Аой!

ССVІ

Король наш Карл пришел в сознание вновь.
Бароны держат на руках его.
Племянника он видит пред собой.
Тот с виду цел, но побелел лицом,
Глаза его потухли, мутен взор.
Стал наш король тужить над мертвецом:
«Да впусти в рай тебя, Роланд, господь,
Тебе даст место средь святых цветов.
Себе на горе ты сюда пришел.
Мне о тебе теперь скорбеть по гроб.
Лишусь я славы и утрачу мощь.
Кто отстоит честь Карла от врагов?
Мой лучший друг расстался здесь со мной:
Нет средь моей родни таких бойцов».
Рвет волосы в отчаянье король.
Стотысячная рать скорбит кругом,
Не в силах слезы удержать никто.
Аой!

ССVII

«О друг Роланд, когда я в Лане^[120] буду,
Когда опять увижу край французский,
Из многих стран пришельцы соберутся
И спросят, почему ты не вернулся,
А я скажу: „В Испании он умер“.
Мне королевством будет править трудно,
Скорбь о тебе всю кровь мою иссушит».

ССVІІІ

«Роланд, мой друг, цвет молодости смелой!
Когда я буду в ахенской капелле,
Придет туда народ послушать вести,
И горестно я объявлю пришельцам:
„Погиб Роланд, стяжавший мне победы.“
Мы в страхе саксов больше не удержим,
Пойдут теперь на нас болгары, венгры,
Восстанут Рим, Апулия, Палермо,
И Калиферн^[121], и африканцы-негры.
День каждый будет приносить мне беды.
За кем пойдут мои полки в сраженье,
Коль нет того, кто шел пред ними первым?
О Франция, как ты осиротела!
Так горько мне, что рад я был бы смерти».
Рвет бороду король, скорбит безмерно,
Рвет волосы седые в сокрушенье.
Стотысячная рать с ним плачет вместе.

ССІХ

«Увы, ты жизни, друг Роланд, лишился.
Пусть рай отверзнет пред тобой Спаситель.
Для Франции позор твоя кончина.
Я так скорблю, что не в охоту жить мне.
Мои бойцы из-за меня погибли.
Царю небесный, сын святой Марии,
Пусть не вступлю я вновь в ущелье Сизы;
Пусть раньше плоть мою мой дух покинет,
Чтоб с душами их воссоединиться;
Пусть здесь меня схоронят рядом с ними».
Рвет бороду седую Карл Великий,
И говорит Немон: «Скорбит властитель».
Аой!

ССХ

Анжуец Жоффруа сказал: «Сеньер,
Умерить постарайтесь вашу скорбь.
Пусть сыщут христиан меж мертвецов,
Всех наших, кто арабами сражен,
И приготовят погребальный ров».
Король ответил: «Затрубите в рог».
Аой!

В рог Жоффруа Анжуйский затрубил.
По слову Карла спешились полки,
Средь мертвецов нашли друзей своих,
Тела в могилу общую снесли.
Немало с войском шло духовных лиц
– Епископов, аббатов и других.
Они, свершив заупокойный чин,
Усопшим отпустили все грехи,
И обкурили фимиамом их,
И с превеликой честью погребли.
Что делать – их с собой не увезти.
Аой!

ССХІІ

Лишь трех бойцов земле не предал Карл:
То были Оливье, Турпен, Роланд.
Им грудь рассечь велел он пополам,
Извлечь и в шелк закутать их сердца,
Зашить в оленью кожу их тела,
Везти домой в трех мраморных гробах.
Но до того, как положить туда,
Обмыть настоем перца и вина.
Тибо и Жебоэна кликнул Карл,
Милона и Отона подозвал:
«Везите мертвецов на трех возах,
Ковром восточным их накрыв сперва».
Аой!

ССХІІІ

Путь к Франции направил Карл Великий,
Как вдруг разъезд языческий увидел.
Вот два гонца от мавров отделились,
Приносят Карлу вызов от эмира:
«Вам не уйти от нас, король спесивый!
Наш Балиган повсюду вас настигнет.
С несметным войском он сюда явился.
Посмотрим, впрямь ли вы неустрашимы».
Аой!

ССХІІІ

Король рукой за бороду схватился,
Припомнил всех, кто пали и погибли,
Окинул войско взором горделивыми
И громким, звучным голосом воскликнул:
«В седло, бароны! Приготовьтесь к битве!»
Аой!

ССХІV

Карл первым стал изготовляться к бою,
Шлем завязал, надел свой панцирь добрый
И бедра препоясал Жуайезом,
Мечом, блестящим, словно в полдень солнце.
На шею он повесил щит геронский^[122],
Схватил копье, потряс его рукою,
Сел на коня лихого Тансандора^[123],
Что добыл он у брода под Марсоной,
Где им убит был Мальпален Нарбоннский^[124].
Он отпустил узду, пришпорил лошадь,
Мчит сквозь тридцатитысячное войско,
Взывает: «С нами бог и Петр-апостол^[125]!»
Аой!

Сто тысяч человек по знаку Карла
Сошли с коней, доспехи надевают.
Как хороши бойцы в наряде бранном,
Как остро их оружие, кони статны,
Как ловко вновь они в седло садятся!
Ответят на удар они ударом.
Значок с копья до шишака свисает.
Отрадно Карлу видеть их отвагу.
Он молвит Жозерану из Прованса,
Немону и Ансельму^[126], графу Майнца:
«Могу ль не верить я в таких вассалов.
Тот глуп, кто с ними убоится мавров.
Коль нехристи сойтись посмеют с нами,
За смерть Роланда мне они заплатят».
Немон ответил: «Дай нам бог удачи!»
Аой!

ССХVI

Рабеля с Гинеманом^[127] Карл призвал
И молвил: «Тем вы станете для нас,
Чем были Оливье и граф Роланд.
Я меч и Олифан вручаю вам.
Полк головной возьмите под начал.
Я первыми пошлю вас на врага,
Пятнадцать тысяч юношей вам дам,
Да столько же прикроют с тылу вас.
Ведут их Жебоэн и с ним Лоран».
И вот уже Немон и Жозеран
Построили два первые полка.
Коль ныне грянет бой, он будет яр.
Аой!

ССХVII

В передних двух полках – одни французы.
За ними третий выстроился тут же.
Он весь составлен из баварцев дюжих^[128].
Их ровным счетом двадцать тысяч будет.
В бою они не дрогнут и не струсят.
Так милы сердцу Карла эти люди,
Что лишь французов больше их он любит.
Их вождь – Ожье Датчанин, граф могучий.
Бойцы такие поля не уступят.
Аой!

ССХVІІІ

Уже готовы три полка к сраженью.
Немон четвертый выстроил поспешно
Из воинов могучих и отменных,
Живущих в дальних алеманских землях.
Их двадцать тысяч в том полку, не меньше.
Доспехи их надежны, кони резвы.
Они умрут, а верх в бою одержат.
Ведет их в бой Эрман [\[129\]](#), Фракийский герцог.
Погибнет он скорей, чем оробеет.
Аой!

ССХІХ

Немон и Жозеран Прованский с ним
Бойцов нормандских в пятый полк свели.
В нем двадцать тысяч воинов лихих.
Прочны их брони, резвы скакуны,
Их можно перебить – нельзя пленить,
Никто не равен в ратном поле им,
Идут с Ришаром Старым [\[130\]](#) в бой они.
Копьем отважно будет он разить.
Аой!

ССХХ

Бретонцы составляют полк шестой.
Их ровно тридцать тысяч набралось.
Мчат на конях они во весь опор,
По-рыцарски вздымают вверх копье.
Велел Одон, бретонцев тех сеньер,
Чтоб под начал их взяли Невелон,
Тибо из Реймса и маркграф Отон^[131].
Он молвил им: «Мой полк ведите в бой!»
Аой!

ССХХІ

Уж шесть полков у Карла вышло в поле.
Седьмой – Немон, баварский герцог, строит,
Из Пуату с Овернью в нем бароны,
Всего их наберется тысяч сорок.
Надежны их доспехи, резвы кони.
Стоит тот полк от остальных поодаль.
Король бойцов благословил рукою,
Их Жозерану и Годсельму^[132] отдал.
Аой!

ССХХІІ

В восьмой по счету полк Немон зачислил
Фламандские и фризские дружины.
Бойцов в восьмом полку за сорок тысяч,
В бою они всегда неустрашимы.
Король сказал: «Побьем врага с такими».
Тот полк Рембо с Амоном Галисийским^[133]
На сарацин бесстрашно нынче двинут.
Аой!

ССХХІІІ

Отряд девятый Жозеран с Немоном
Составили из воинов отборных,
Из лотарингцев и бургундцев рослых,
Людей в нем тысяч пятьдесят и боле.
Подвязаны их шлемы, блещут брони,
Сверкают острия коротких копий.
Коль с поля враг не убежит без боя,
Они ему дадут отпор жестокий.
Тьерри, Аргонский герцог^[134], их предводит.
Аой!

ССХХІV

Составлен из французов полк десятый,
А в нем сто тысяч доблестных вассалов.
Крепки их руки и горда осанка.
Сед головой и бородою каждый.
На всех двойные панцири иль латы,
При каждом меч французский иль испанский,
При каждом крепкий щит с особым знаком.
Вот «Монжуа!» – их ратный клич раздался.
Ведут их на арабов император
И Жоффрау Анжуйский с орифламмой^[135].
То – стяг Петра: он прежде «Римским» звался,
А ныне «Монжуа» ему названье.
Аой!

Король наш Карл сошел на луг с седла,
На мураву лицом к востоку пал,
Глаза возвел с надеждой к небесам,
Смиренно молит господа Христа:
«Защитою нам будь, Спаситель наш!
Всеправедный наш бог, Ионе встарь
В китовом чреве не дал ты пропасть,^[136]
От гибели ты Ниневию спас;^[137]
Ты Даниила вызволил из рва,
Где пищей львам пророк был должен стать.^[138]
Трех отроков^[139] исторг ты из огня.
Простри же ныне надо мною длань.
Будь милостив ко мне и в этот раз,
За смерть Роланда дай отмстить врагам».
Молитву сотворил король и встал.
Грудь осенил он знаменьем креста,
Сел на коня, вдел ноги в стремяна.
Держали их Немон и Жозеран.
Копье схватил и щит привесил Карл.
Как он могуч, и строен, и удал,
Осанист телом и красив с лица!
Никто его не выбьет из седла.
В тылу и впереди трубят рога.
Но вот покрыл все звуки Олифан,
И о Роланде зарыдала рать.

ССХХVI

На бой наш император гордо скачет.
Он бороду поверх брони спускает.
Весь полк в сто тысяч так же поступает.
Теперь узнать француза можно сразу.
Минует рать холмы, минует скалы,
Мчит по долинам и ущельям мрачным,
На склон из гор безлюдных вылетает,
И вот она опять в стране испанской,
И вот привалом на равнине стала.
Меж тем разъезд вернулся в стан арабский.
Идет один сириец к Балигану:
«Сеньер, узрели мы спесивца Карла.
Могучи и верны его вассалы.
Вам битва предстоит, вооружайтесь!»
Эмир ответил: «Вижу – ты отважен.
Трубите, чтобы рать о бое знала».

ССХХVII

Стан барабанной дробью оглашен.
Рогов и труб несется звонкий зов.
Рать спешилась и снарядилась в бой,
И сам эмир не отстает от войск.
Он в золоченый панцирь грудь облек,
Надел шишак с насечкой золотой,
На левый бок привесил свой клинок.
Эмир ему названье изобрел:
Про Жуайез, меч Карла, слышал он
И потому Пресьюзом^[140] меч нарек.
Таков же бранный клич его бойцов,
Когда они врагу дают отпор.
Эмир надел на шею щит большой.
Из золота наверх у него,
Ремень прострочен шелковой тесьмой.
Берет эмир Мальте, свое копьё.
Не древко у того копьё – ослоп,
А наконечник мул свезет с трудом.
Садится ловко Балиган в седло.
Марколь Заморский^[141] стремя подает.
Меж пят эмира – футов пять с лихвой.
Он в бедрах узок, а в плечах широк,
В груди могуч, на диво весь сложен.
Взор у него и ясен и остер.
Он волосом курчав и горд лицом,
Бел головой, как яблоня весной.
Известен он отвагой боевой.
Верь он в Христа, вот был бы славный вождь!
Коня он шпорит так, что брызжет кровь,
Одним прыжком перелетает ров,
Хоть футов пятьдесят и будет в нем.
Арабы молвят: «Вот боец лихой!
Французам до такого далеко.
Кто б ни схватился с ним, он верх возьмет.
Безумен Карл, что с поля не ушел».

Аой!

ССХХVIII

Эмир на вид был доблестный боец.
Он бороною яблони белей,
Меж мавров славен мудростью своей,
На поле битвы горделив и смел.
А сын его Мальприм^[142] – второй отец,
Во всем блюдет он славных предков честь.
Отцу он молвит: «Скачем в бой скорей,
Чтоб Карл уйти обратно не успел».
Ответил Балиган: «Нет, он храбрец,
О нем не зря сложили столько жест.
Но с ним Роланда больше нет теперь,
И он над нами взять не сможет верх».
Аой!

ССХХІХ

«Любезный сын Мальприм, – эмир сказал,
– Вчера погибли славный граф Роланд,
И Оливье, что именит и храбр,
И пэры, коих Карл любил всегда,
И с ними в двадцать тысяч копий рать,
За тех, кто жив, перчатки я не дам.
Сомненья нет, вернулся Карл назад.
Сириец из разъезда мне сказал,
Что рать разбил на десять полчищ Карл.
Мчат впереди два смелые бойца.
Трубят они в трубу и в Олифан,
Ведут пятнадцать тысяч христиан,
Из юношей составлен тот отряд.
Детьми своими Карл их любит звать.
Разить они жестоко будут нас».
Мальприм ему: «Дозволь мне бой начать».

«Любезный сын Мальприм, – эмир в ответ,
– Я так и поступлю, как ты хотел.
Иди и христиан нещадно бей.
Пойдут с тобою перс, король Торле,
И Дапамор, князь лютичских земель ^[143].
Знай, если ты собьешь с французов спесь,
В лен дам тебе я часть страны моей
– От Кайруана и по Маракеш ^[144]».
Мальприм сказал: «Благодарю, отец».
И принял во владение удел.
Король Флори ^[145] в то время им владел.
Увы, Мальприму не пришлось вовек
Тот лен узреть и там на трон воссесть.

Эмир спешит объехать ратный строй,
За ним наследник – ростом он высок.
А перс Торле и лютич Дапамор
Выводят рать из тридцати полков.
Людей в них столько, что и не сочтешь,
– В слабейшем тысяч пятьдесят бойцов.
Полк первый – ботентротцы на подбор.
Набрал эмир мейсинов во второй:
Люд этот волосат, большеголов,
Щетиной весь, как кабаны, зарос.
Аой!
Нубийцев, русов в третий полк он свел.
Боруссов и славян – в четвертый полк.
Сорабы, сербы – пятый полк его.
Берут армян и мавров в полк шестой,
Иерихонских жителей в седьмой.
Из черных негров состоит восьмой.
Из курдов – полк девятый целиком.
В десятом – из Балиды ^[146] злой народ.
Аой!
Возвысил голос Балиган седой,
Клянется плотью Магомета он:
«Ума лишился, видно, Карл-король.
Коль рать его отважится на бой,
Заплатит нам за это он венцом».

ССХХІІ

За десятью полками – новых десять.
Набрали в первый мерзких хананеев,
Далекого Валь-Фонта население.
В другои свели всех турок, персов – в третий,
В четвертый – орды диких печенегов,
А в пятый – и аваров и сольтернцев,
В шестой – армян и угличей свирепых.
В седьмом отряде – Самуила племя,
В восьмом с девятым – прусы и словенцы,
В десятом – люд из Оксианской степи,
Проклятый род, что в господа не верит. [\[147\]](#)
Не видел мир отъявленной злодеев.
Их кожа, как железо, отвердела.
Им не нужны ни панцири, ни шлемы.
Жестоки и хитры они в сраженье.
Аой!

ССХХХІІІ

За десятью полками – десять новых.
Полк первый – исполинские мальпрозцы,
Второй – из гуннов, в третьем – венгров толпы.
В четвертом – люд Бальдизы отдаленной.
Полк пятый состоит из вальпенозцев,
Шестой – из эглей и бойцов Марозы,
Из ливов полк седьмой и атримонцев,
В трех остальных – аргойльцы и кларбонцы^[148]
И, наконец, бородачи вальфрондцы,
Народ, который ненавистен богу.
Полков там было тридцать ровным счетом.
Об этом нам «Деянья франков» молвят.
Под звуки труб арабы скачут гордо.
Аой!

ССХХХІV

Могуч эмир и храбростью известен.
Несут пред ним хоругвь с драконом в сечу,
И стяги Тервагана с Магометом,
И Аполленово изображение.
Вокруг него гарцуют хананеи.
Их голоса разносятся далече:
«Кто от богов ждет помощи в сраженьи,
Тот помолиться должен им смиренно».
Арабы устремляют взоры в землю,
Склоняют головы в блестящих шлемах.
Французы им кричат: «Готовьтесь к смерти.
Сегодня вам не избежать возмездья.
Храни, создатель, Карла от неверных
И ниспошли ему в бою победу».
Аой!

ССХХХV

Премудр и светел разумом эмир.
Он двум вождям и сыну говорит:
«Бароны, ваше место – впереди.
Вы поведете в бой мои полки,
Но я себе оставлю лучших три:
Армян отважных, турок удалых,
Мальпрозский полк, где каждый – исполин,
Да оксианский полк добавлю к ним.
Мы Карла и французов разгромим.
Коль с поля он посмеет не уйти,
То головы спесивцу не сносить.
Вполне он эту участь заслужил».
Аой!

ССXXXVI

Войска несметны, и полки прекрасны.
На ровном месте в бой они вступают.
Нет там ни гор, ни леса, ни оврага.
Насквозь друг друга видят обе рати.
Эмир кричит: «За мною, род проклятый!»^[149]
Все на коня и битву начинайте». ^[150]
Несет Амбор из Олоферна знамя,
Звучит «Пресьоз!» – военный клич арабов.
Французы отвечают: «Смерть поганым!»
– И «Монжуа!» в лицо бросают маврам.
Трубят все трубы в войске христианском,
Но Олифан все звуки заглушает.
Враги вопят: «Отважны люди Карла!
Бой предстоит нам долгий и ужасный».

ССХХХVII

Равнина широка, простор безмерен.
На шлемах золотых горят каменья.
Щиты и брони нестерпимо блещут,
Значки на древках копий гордо реют,
И трубы оглашают всю окрестность,
Но Олифан всех труб звончей и резче.
К эмиру призывают Канабея
– Он брат его и правит Флоредеей,
До Валь-Севре^[151] он землями владеет.
На войско Карла брату кажет нехристь:
«Взгляните, сколько во французах спеси,
Как Карл на нас бросает взоры дерзко!
Ведет он полк бородачей в сраженье.
Их бороды торчат поверх доспехов.
Как свежий снег на льду, их кудри белы
Мечи у них остры, а копья метки.
Жестокая нас ожидает сеча.
Подобной ей не видел мир вовеки»
– От строя дальше Балиган отъехал,
Чем дальше долетит обструганная ветка,
К дружинам обратился с краткой речью:
«Я проложу вам путь – за мной, смелее!»
Затем эмир потряс копейным древком,
На Карла он направил наконечник.
Аой!

ССХХХVIII

Когда эмира Карл узнал в лицо,
Узрел дракона, ратный стяг его,
И множество языческих полков,
Покрывших всю равнину целиком,
Коль не считать тот луг, где встал король,
Французам крикнул в полный голос он:
«Бароны, нет среди вас плохих бойцов.
Вы все не раз со мной ходили в бой.
Пред вами – враг, чей нрав труслив и подл,
В чьей вере правды нету ни на грош.
Пусть мавров много – что нам до того?
Кто смел и в бога верует – за мной.»
Коня он тронул шпорой золотой.
Четыре раза прыгнул Тансандор.
Вся рать сказала: «Вот боец лихой!
Мы не покинем вас в бою, сеньер».

ССХХХІХ

Сияет солнце, светел яркий день.
Прекрасны рати, и полков не счесть.
Передние ряды сошлись уже.
Граф Гинеман и рядом граф Рабель
Бросают повод, гонят вскачь коней.
Французы дружно мчатся им вослед,
Разят копьем, пускают в дело мечь.
Аой.

Вот граф Рабель, отважный рыцарь, мчит.
Коня златою шпорой горячит.
Торле, король персидский, встречен им.
Ни щит, ни панцирь мавра не спасли.
Пронзил его Рабель копьем своим,
С седла в кустарник бездыханным сшиб.
Кричат французы: «Бог нас сохранит!
Прав наш король, и долг велит с ним быть».
Аой!

ССХLІ

Князь лютичей схватился с Гинеманом,
Но граф его в щит расписной ударил,
Пронзил и раздробил на князе панцирь,
Вплоть до значка всадил копье в араба.
Хоть плачь, хоть смейся, – мертвым пал он наземь.
Французы, видя это, закричали:
«Бароны, в бой! Друзья, не отставайте!
Прав наш король, а нехристи не правы.
Вершит над ними ныне суд создатель».
Аой!

ССХLII

Вот мчит Мальприм на белом скакуне.
В ряды французов с ходу он влетел,
Удары сыплет, бьет что силы есть,
Нагромождает груды мертвых тел.
Эмир в тревоге к войску держит речь:
«Бароны, я вскормил вас с юных лет.
Мой сын пробиться к Карлу захотел,
Но он один, а христиан не счесть.
Бойца смелей я не найду вовек.
На выручку, иль ждет его конец!»
Пускают мавры вскачь своих коней.
Удар их тяжек, натиск их свиреп.
Столь беспощадный бой кипит везде,
Что не видал еще такого свет.
Аой!

ССХLIII

Могучи рати, и полки несметны.
Они уже вступили все в сраженье.
Язычники упорны и свирепы.
Творец как много сломано доспехов,
Изрублено щитов, копейных древков!
Взглянуть бы вам, как ими дол усеян.
Ковыль на нем с утра был свеж и зелен.
Теперь от крови взмок и побурел он.
Эмир опять кричит полкам неверных:
«Вперед, рубите христиан смелее!»
Упорна и ожесточенна сеча.
Такой еще не видел мир от века.
Одна лишь смерть противников разделит.
Аой!

ССXLV

Эмир к своим язычникам взывает:
«Разите, чтоб победа нам досталась.
Я дам вам женщин, стройных и прекрасных
Уделы и феодалы дам в награду».
Арабы молвят: «Мы разим отважно».
Ломаются их копья от ударов.
Берутся за мечи сто тысяч мавров.
Сражение и долго и ужасно.
Тем бой знаком, кто видел эту схватку.
Аой!

К французам обращает слово Карл:
«Я вас люблю и доверяю вам.
Вы все сражались за меня не раз,
Немало мне завоевали стран.
В награду вам я все готов отдать
– Богатство, земли, самого себя.
Отмстите лишь за родичей сполна,
За всех, кто в Ронсевале пал вчера.
Вы знаете, кто в этой битве прав».
Французы молвят: «Знаем, государь».
Их двадцать тысяч равным счетом там.
Они клянутся именем Христа,
Что Карлу будут верны до конца.
Летят они с мечами на врага,
Сшибают мавров копьями с седла.
Кровопротитна битва и страшна.
Аой!

ССXLVI

Мчит на коне Мальприм по полю боя,
Ряды французов беспощадно косит.
Немон его окидывает взором,
По-рыцарски удар ему наносит,
Щит сарацина пробивает с ходу,
Копьем ему пронзает панцирь добрый,
Его со скакуна свергает мертвым
Средь семисот языческих баронов.

ССXLVII

Вот Канабей, эмира младший брат,
Коня ударил шпорами в бока,
Свой меч с хрустальной рукоятью сжал.
Шлем на Немоне прорубила сталь,
Разрезала с размаху пополам,
Все пять ремней нашейных порвала.
Подшлемник задержать не мог удар.
Клинок рассек его на два куска.
Один из них упал к ногам коня.
Немону ни за что б несдобровать,
Но бог помог – не сброшен он с седла:
Успел обнять за шею скакуна.
Когда б ударил мавр еще хоть раз,
Дух испустил бы доблестный вассал.
Тут подоспел к нему на помощь Карл.
Аой!

ССХLVIII

Смерть герцогу Немону угрожает:
Мавр норовит опять его ударить.
Воскликнул Карл: «Ты будешь, трус, наказан!»
– И на араба ринулся отважно.
Пробил он щит его, к груди прижатый,
Прорезало копье нагрудник вражий.
Пал наземь всадник, а скакун умчался.

ССХLIX

Почувствовал король большую скорбь,
Когда увидел, что в крови Немон,
Что на траву бежит она ручьем.
Дал герцогу совет разумный он:
«Скачите без опаски вслед за мной.
Противник ваш сражен моим копьем.
В злодея крепко я вогнал его».
Немон в ответ: «Сеньер, я видел все.
Коль буду жив, вам отслужу с лихвой».
Помчались в бой они бок о бок вновь,
Вослед – двадцатитысячный их полк.
Французы рубят и крушат врагов.
Аой!

Мчит по полю на скакуне эмир,
Бьет графа Гинемана что есть сил,
Пронзил копьем прижатый к сердцу щит,
Одним ударом панцирь раскроил,
Отсек все ребра от грудной кости,
С седла христианина мертвым сшиб.
Лорана с Жебоэном он сразил.
Ришар, сеньер нормандцев, им убит.
Язычники вопят: «Коли, руби!
Пресьюз от христиан нас охранит».
Аой!

Взглянуть бы вам на войско Балигана,
На тех аргойльцев, басков^[152], оксианцев!
Неотразимы копий их удары,
Но поля наши им не уступают.
На землю трупы валятся все чаще.
До вечера не утихает схватка.
Урон немалый терпят люди Карла.
Бой кончится – придется им поплакать.
Аой!

Бьют мавры и французы что есть сил,
Их копья разлетаются в куски.
Взглянуть бы вам, как там дробят щиты,
Услышать бы, как сталь о сталь звенит,
Как в панцири врезаются клинки,
Как наземь тот, кто сбит с коня, летит,
Как издает он перед смертью крик,
– Вам этого до гроба не забыть.
Сражение все неистовой кипит.
Вот Аполлена стал эмир молить
И Тервагана, Магомета с ним
«Я вам служил, кумиры ваши чтил.
Из золота я их велю отлить
Лишь помогите Карла победить».
Вдруг Жемальфен эмиру возвестил
– Ему был другом этот сарацин
«Сеньер, для вас день нынче несчастлив:
Пал от руки врага ваш сын Мальприм,
И Канабей, ваш брат, в бою погиб,
Сразили два христианина их.
Карл, мнится мне, – один из их убийц!
Уж больно у него могучий вид
И бел апрельский цвет его седин».
Шлем наклонил, услышав весть, эмир,
От горя головой на грудь поник.
Он так скорбит, что свет ему не мил,
Позвать Жангле Заморского велит,

ССLIII

Воскликнул Балиган, «Ко мне, Жангле!
Вы – мудрый и правдивый человек,
Ценил я неизменно ваш совет.
Скажите мне, кто должен одолеть,
Кто – я иль Карл – в бою одержит верх?»
А тот ответил: «Суждена вам смерть,
Вас боги ваши не спасут уже.
Французы храбры, и король их смел,
Таких бойцов не видел я вовек.
Но все же бросьте клич – пусть бьются все:
Мавр, оксианец, турок, энфр^[153] и перс,
Что б нас ни ждало, медлить смысла нет»,

CCLIV

Эмир по латам бороду расправил,
Она белей боярышника в мае.
Что б ни было, он прятаться не станет,
К устам трубу язычник прижимает,
Трубит в нее, чтоб слышали все мавры,
Мчит по полю и нехристей скликает,
Заржали и завыли оксианцы,
Залаяли аргойльцы по-собачьи,
На христиан неистово помчались,
Полки их смяли и ряды прорвали,
Семь тысяч их убили басурмане,

Ожье Датчанин сроду не был трусом.
Вовеки мир бойца не видел лучше.
Заметил он, что дрогнули французы,
Велел позвать Тьерри-аргонца тут же
И Жозерана с Жоффруа Анжуйским
И молвил Карлу гордо и разумно:
«Взгляните, как арабы наших рубят.
Пускай венца лишит вас вездесущий,
Коль отомстить у вас не хватит духу».
Все промолчали: отвечать нет нужды.
Коней бароны шпорят, вскачь несутся,
Язычников нещадно бьют повсюду.
Аой!

Разят арабов император Карл,
Ожье, Немон, анжуец Жоффруа,
Что носит императорский штандарт.
Особенно Ожье Датчанин храбр^[154].
Коню он шпоры дал, понесся вскачь,
Убил того, кто нес с драконом стяг:
Ожье Амбора вышиб из седла,
Конем хоругвь эмира растоптал,
Эмир увидел, что дракон упал,
Что знамя Магомета – у врага,
И понял тут язычник Балиган,
Что Карл Великий прав, а он не прав.
Поприутихла ярость басурман.
Карл вопрошать своих баронов стал:
«Достаточно ли сил еще у вас?»
А те в ответ: «Не тратьте зря слова.
Позор тому, кто не разит сплеча!»
Аой!

CCLVII

День миновал, вечерний час подходит,
Но меч враги не вкладывают в ножны.
Отважны те, кто рати свел для боя.
Их ратный клич звучит, как прежде, грозно,
«Пресьоз!» – кричит эмир арабский гордо,
Карл «Монжуа!» в ответ бросает громко.
По голосу один узнал другого.
Сошлись они на середине поля.
Тот и другой пускают в дело копья,
Врагу удар наносят в щит узорный,
Его пронзают под наверхьем толстым,
Распарывают на кольчугах полы,
Но невредимы остаются оба.
Полопались у них подпруги седел.
С коней бойцы свалились наземь боком,
Но на ноги вскочили тотчас ловко,
Свои мечи булатные исторгли,
Чтоб снова продолжать единоборство.
Одна лишь смерть конец ему положит.
Аой!

CCLVIII

Отважен милой Франции властитель,
Но даже он не устрасит эмира.
Враги мечи стальные обнажили,
Бьют по щитам друг друга что есть силы,
Навершья, кожа, обручи двойные
– Все порвалось, расселось, расскочилось.
Теперь бойцы одной броней прикрыты.
Клинки из шлемов высекают искры.
Не прекратится этот поединок,
Пока эмир иль Карл не повинится.
Аой!

CCLIX

Эмир воскликнул: «Карл, совету внимли:
В вине покайся и проси прощенья.
Мой сын тобой убит – то мне известно.
Ты беззаконно вторгся в эту землю,
Но коль меня признаешь сюзереном,
Ее получишь в ленное владенье».
«Мне это не пристало, – Карл ответил.
– С неверным я не примирюсь вовеки.
Но другом буду я тебе до смерти,
Коль ты согласен воспринять крещенье
И перейти в святую нашу веру».
Эмир ответил; «Речь твоя нелепа».
И вновь мечи о брони зазвенели.
Аой!

Эмир великой силой наделен
– Бьет Карла он по голове мечом.
Шлем разрубил на короле клинок,
Проходит через волосы его,
Наносит рану шириной в ладонь,
Срывает кожу, оголяет кость.
Шатнулся Карл, чуть не свалился с ног,
Но не дал одолеть его господь.
Е нему послал он Гавриила вновь,
И ангел молвил: «Что с тобой, король?»

Король услышал, что промолвил ангел.
Забыл о смерти он, забыл о страхе.
К нему вернулись разом мощь и память.
Мечом французским он врага ударил,
Пробил шишак, украшенный богато,
Лоб раздробил, разбрызгал мозг араба,
До бороды рассек эмира сталью.
Упал язычник, и его не стало.
Клич «Монжуа!» бросает император.
Немон, услышав это, к Карлу скачет
И сесть на Тансандора помогает.
Бегут арабы: так судил создатель.
Услышал он мольбы французов наших.

CCLXII

Бегут арабы. так судил творец.
Карл и бароны мчатся им вослед.
Король кричит: «Вершите суд и месть!
Воздайте за родных и за друзей,
Вы утром их оплакивали смерть».
«Да будет так!» – гремят полки в ответ,
Французы мавров бьют что силы есть,
Удастся лишь немногим уцелеть,

ССLXIII

Зной нестерпим, и пыль столбом клубится.
Французы мчат вдогонку сарацинам,
На Сарагосу скачут вслед за ними.
Меж тем на башню Брамимонда вышла,
Стоит она на ней с неверным клиром,
А у него и вид богопротивный,
И сана нет, и темя не побрито.
Победу Карла королева видит
И восклицает: «Магомет, спаси нас!
О государь пресветлый, мы погибли.
Пал Балиган позорной смертью в битве».
Лицо к стене поворотил Марсилиий,
Заплакал, долу головой склонился
И принял, нераскаянный, кончину,
И завладел его душой нечистый.
Аой!

CCLXIV

Спасаются арабы, кто как может.
Закончил битву Карл победой полной.
Повержены ворота Сарагосы.
Французы видят. беззащитен город.
Король в столицу мавров вводит войско.
В ней на привал он станет этой ночью,
Горд и доволен Карл седобородый:
Ему сдала все башни Брамимонда
– Больших десятков, малых за полсотни.
Победа с тем, над кем десница божья!

День миновал, и ночь на землю пала.
Луна взошла, и звезды засверкали.
Взял город Сарагосу император.
Он тысячу баронов посылает
– Пусть синагоги жгут, мечети валят.
Берут они и ломы и кувалды,
Бьют идолов, кумиры сокрушают,
Чтоб колдовства и духу не осталось [\[155\]](#).
Ревнует Карл о вере христианской,
Велит он воду освятить прелатам
И мавров окрестить в купелях наспех,
А если кто на это не согласен,
Тех вешать, жечь и убивать нещадно.
Насильно крещены сто тысяч мавров,
Отсрочку только Брамимонде дали:
Пусть в милый край французский едет с Карлом
И добровольной христианкой станет.

Ночь миновала, ясный день настал.^[156]
Все башни в Сарагосе занял Карл.
Он тысячу бойцов оставил там,
Чтоб город от врага оберегать.
Повел король назад свои войска,
С собой в дорогу Брамимонду взял:
Добра он ей желает, а не зла.
В обратный путь идет, ликуя, рать.
Нарбона^[157] ей ворота отперла.
Вот Карл вступил в Бордо, преславный град.
Он золотом наполнил Олифан,
Святому Северину даровал^[158] – Там пилигримы видят этот дар.
Карл переплыл Жиронду на судах,
До Бле^[159] Роланда он сопровождал.
И Оливье был отвезен туда
И с ним Турпен, воитель и прелат.
В трех мраморных гробах они лежат.
Святой Роман хранит их бренный прах.
Поручен он господним именам^[160].
Помчался Карл по долам, по горам,
До Ахена нигде не отдыхал,
Лишь у дворца сошел со скакуна.
Едва король достиг своих палат,
Судей велел он отовсюду звать.
Шлют их все области и племена:
Саксонский, фризский, алеманский край,
Нормандия, Бургундия, Бретань,
Мудрейших же – французская страна,
Недолго Ганелону ждать суда.

CCLXVII

Карл прибыл из испанского похода,
Вернулся в Ахен, свой престольный город.
По лестнице взошел он в зал дворцовый,
Был дамой Альдой встречен на пороге.
Та молвит: «Где Роланд, отважный воин,
Что клятву дал назвать меня женою?»
Король в унынье и великой скорби
Рвет бороду свою и плачет горько:
«Сестра, меня спросили вы о мертвом.
Я вам воздам заменю достойной:
То – первый мой вассал и сын Людовик,
Наследник всех моих земель и трона».
Она в ответ: «Мне странно это слово.
Да не попустят бог с небесным сонмом,
Чтоб я жила, коль нет Роланда больше».
Пред Карлом дама, побледнев, простерлась.
Она мертва – помилуй Альду, боже!
Скорбят о ней французские бароны.

CCLXVIII

Она скончалась – нет прекрасной Альды,
Но мыслит Карл, что дама – без сознания.
Над нею, сострадавая, он заплакал,
Ее приподнял, на ноги поставил.
Она к его плечу челом припала.
Тут Карл увидел, что она скончалась.
За нею четырех графинь прислал он
И тело в женский монастырь отправил.
Над нею там всю ночь псалмы читали,
Зарыли гроб у алтаря во храме.
Большую честь воздал ей император.
Аой!

CCLXIX

В престо́льный Ахен прибы́л вно́вь коро́ль,
В окова́х там изменник Ганелон
На площа́ди стои́т перед дворцо́м.
К столбу́ привязан дворней Карла он,
Прикручен крепко за руки ремнем.
Бьют и бичами и дубьем его.
Не заслужи́л он участи́ иной.
Пу́скай суда́ преда́тель в му́ках жде́т.

CCLXX

Написано в одной старинной жесте,
Что Карл созвал людей из всех уделов,
На суд собрал их в ахенской капелле.
Сошлись они в господний праздник светлый,
В день божьего барона, в день Сильвестров,
Дабы воздать по совести и чести
Злодею Ганелону за измену. [\[161\]](#)
Карл привести велел его немедля.
Аой!

«Сеньеры и бароны, – молвил Карл.
– Вот Ганелон на суд явился ваш.
Со мною он ходил в испанский край,
Сгубил двадцатитысячную рать.
Из-за него погибли и Роланд,
И Оливье, что был учтив и храбр.
Он пэров предал маврам, деньги взял».
Ответил Ганелон: «Не стану лгать,
Лишил меня моих сокровищ граф.
Вот я Роланду смерти и желал.
Нельзя изменой это называть».
Бароны молвят: «Суд решит, кто прав».

Предстал суду и Карлу Ганелон.
Он свеж лицом, на вид и смел и горд.
Вот был бы удалец, будь честен он!
Бросает на собравшихся он взор,
Стоят с ним тридцать родичей его.
Суду он громко говорит потом:
«Бароны, да хранит вас всех господь!
Ходил я с императором в поход,
Ему был предан телом и душой.
Но на меня Роланд замыслил зло,
Ко мне жестокой воспылал враждой,
На муки и на казнь меня обрек,
Послал меня к Марсилию послом.
При всех Роланду вызов брошен мой,
Его и пэров вызвал я на бой.
Всю нашу ссору видел сам король.
Я только мстил, и нет измены в том».
Бароны молвят: «Суд все разберет».

ССLXXIII

Увидел Ганелон, что дело плохо.
Зовет он тридцать родственников кровных.
Один из них над всеми верховодит.
То – Пинабель, что из Сорансы^[162] родом.
Он на язык остер и ловок в споре,
А коль дойдет до боя – воин добрый.
Аой!
Граф молвит: «Будьте мне в беде оплотом,
Не дайте кончить жизнь на месте лобном».
А тот ответил: «Ничего не бойтесь.
Кто здесь о казни вымолвит хоть слово,
С тем тотчас я вступлю в единоборство
И дам отвод оружием приговору».
Тут ниц пред ним граф Ганелон простерся.

Сошлись на суд бургундцы и баварцы,
Французы, пуатвинцы и нормандцы.
Есть там саксонцы, есть и алеманы.
Всех судей остальных овернцы мягче
– Жестокий страх им Пинабель внушает.
Все говорят: «Покончим с этой тяжбой.
Оставим суд, пойдем попросим Карла,
Чтоб Ганелону дал король пощаду,
И тот ему опять слугою станет.
Погиб Роланд и не придет обратно.
Не воскресить его серебром иль златом.
От поединка проку будет мало».
Так мыслят все, кто там на суд собрался.
Один Тьерри, брат Жоффруа, – иначе.
Аой!

CCLXXV

Вот судьи к императору пришли
И молвят: «Мы решили вас просить,
Чтоб Ганелона пощадили вы.
Он будет впредь вам ревностно служить.
Он знатен родом – сжальтесь же над ним,
Ведь все равно племянник ваш погиб.
Златой казной его не воскресить».
Король ответил: «Все вы подлецы!»
Аой!

CCLXXVI

Увидел Карл – оставлен всеми он,
Нахмурил брови и поник челом,
Стал от тоски и горя сам не свой.
Вдруг предстает Тьерри пред королем^[163].
То Жоффруа Анжуйца брат меньшей.
Он строен, худощав и быстроног,
Кудрями черен, смугловат лицом,
А ростом и не мал и не высок.
Учтиво Карлу молвил он: «Сеньер,
Умерить постарайтесь вашу скорбь.
Вы знаете: вам предан весь наш род,
И я, как предки, вам служить готов.
Да, отчима Роланд обидеть мог,
Но кто вам служит – нет вины на том,
А Ганелон его на смерть обрек,
Нарушил клятву и презрел свой долг.
На рель его! – таков мой приговор.
А труп изрежут пусть в куски потом.
Подлец не стоит участи иной.
А если кто из родичей его
Посмеет приговору дать отвод,
Я подтвержу свои слова мечом».
Все молвят: «Рассудил он хорошо».

CCLXXVII

Вот Пинабель пред королем предстал.
Велик он ростом, быстр, могуч и храбр.
Его удар смертелен для врага.
Он молвил: «Воля ваша, государь.
Пусть понапрасну судьи не кричат.
Я слышал, что Тьерри изрек сейчас,
И докажу мечом, что он не прав».
С тем он свою перчатку Карлу дал.
Король спросил: «А кто заложник ваш?»
Тот три десятка родичей призвал.
Король велел под стражей их держать,
Своих взамен представить обещал.
Аой!

CCLXXVIII

Тьерри увидел – бой не за горами.
Вручил он Карлу правую перчатку.
Тот взял, своих заложников назначил.
Четыре Карл велел скамьи поставить
– Пусть сядут там противники до схватки.
Счел суд законным бой единогласно.
Ожье Датчанин споры все уладил.
Бойцы коней и брони просят дать им.
Аой!

CCLXXIX

Как только бой судом дозволен был,
К обедне в храм отправились враги,
Покаялись во всех грехах своих
И вклад большой внесли в монастыри.
Вернулись вместе к королю они.
Надели шпоры на ноги бойцы,
В надежные доспехи облеклись,
Ремнями подвязали шишаки,
На пояса привесили мечи.
Взял каждый свой четырехпольный щит.
Копье в руках у каждого из них,
И слуги скакунов им подвели.
Вокруг сто тысяч рыцарей скорбит:
Роланд им дорог, жалко им Тьерри.
Ведь знает только бог, кто победит,

CCLXXX

Под Ахеном обширное есть поле.
Отправились туда враги для боя,
Могучи и неустрашимы оба.
Их скакуны легки и быстроноги.
Бароны шпорят, отпускают повод,
Друг другу что есть сил удар наносят.
Раздроблены щиты, пробиты брони.
Подпруги рвутся, и сползают седла.
С коней на землю валятся бароны.
Сто тысяч человек глядят и стонут.
Аой!

CCLXXXI

Бойцы на землю рухнули с седла,
Но тут же встали на ноги опять.
Проворен Пинабель, могуч и яр.
Друг к другу поединщики спешат.
Меч с золотым эфесом каждый взял.
Клинки о шлемы крепкие звенят,
Ударом отвечают на удар.
Скорбят французы, плачет Карл, молясь:
«О господи, дай правде воссиять!»

ССLXXXII

«Тьерри, сдавайся! – Пинабель кричит.
– И я вассалом сделаюсь твоим,
Отдам тебе владения свои,
Лишь Ганелона с Карлом помири».
Тьерри в ответ: «Об этом помолчи.
Я был бы низок, если б уступил.
Один господь нас может рассудить».
Аой!

Тьерри кричит. «Ты, доблестный барон,
Могуч, сложен на славу и высок.
Известно всем, что ты вассал лихой.
Сдавайся мне, сопротивляться брось,
И короля я помирю с тобой.
А Ганелона не спасет ничто.
Неслыханную казнь претерпит он».
Ответил Пинабель: «Не дай господь.
За родичей стоять – мой долг прямой.
Вовек не уклонюсь я от него.
Уж лучше гибель, чем такой позор».
И вот удары зазвенели вновь.
По шлему золотому бьет клинок.
Взлетают к небу искры и огонь.
Теперь никто не разведет врагов.
Их поединок только смерть прервет.
Аой!

CCLXXXIV

Могуч и ловок Пинабель Соранский.
В шлем провансальский он врага ударил.
От искр на поле запылали травы.
Так метко Пинабель свой меч направил,
Что расколол он на Тьерри забрало.
Клинок рассек ему шишак с размаху,
И лоб, и щеку правую поранил,
До живота насквозь прорезал панцирь.
Но спас Тьерри от гибели создатель.
Аой!

CCLXXXV

Тьерри увидел – ранен он в лицо.
Стекает на траву из раны кровь,
По голове врага ударил он
И до забрала шлем рассек на нем.
Из раны наземь вывалился мозг.
Пал Пинабель, издав последний вздох.
Закончился ударом этим бой.
Кричат французы: «Суд свершил господь!
Повешены должны быть Ганелон
И тридцать поручителей его».
Аой!

CCLXXXVI

Бой кончен, поле за Тьерри осталось.
Как победитель, он предстал пред Карлом,
И с ним четыре знатные вассала:
Анжуец Жоффруа, Немон Баварский,
Гильом из Бле и граф Ожье Датчанин.
Тьерри в объятья принял император,
Стер кровь с него плащом на горностаях,
Плащ отшвырнул, в другой облекся сразу,
С Тьерри доспехи осторожно сняли,
На мула он арабского посажен
И в город с ликованием отправлен.
Вот возвратились все на площадь в Ахен,
А там уже виновных ждет расправа.

CCLXXXVII

Сзывает Карл баронов на совет:
«Как поступить с задержанными мне?
За родича они пришли радеть.
В залог их нам оставил Пинабель».
Французы отвечают: «Всех на рель»
Наместнику Бабрюну Карл велел;
«Ступай и всех задержанных повесь,
Клянусь седою бородой моей:
Коль хоть один сбежит, тебе конец».
«Исполню все», – Бабрюн ему в ответ.
Сто стражей силой тащат их на смерть.
На казнь пошло их тридцать человек.
Предатель губит всех – себя, друзей.
Аой!

CCLXXXVIII

Единодушно порешили судьи:
Баварцы, пуатвинцы и бургундцы,
Бретонцы и особенно французы,
– Чтоб Ганелон погиб в жестоких муках.
Вот к четырем коням злодей прикручен.
Привязан крепко за ноги и руки,
А кони эти дики и могучи.
Четыре стража отпускают узды,
Летят по лугу кони что есть духу,
На все четыре стороны несутся.
У Ганелона жилы растянулись,
Оторвались конечности от трупя.
Трава от крови покраснела густо.
Он умер смертью пленника и труса.
Изменой да не хвалится преступник,

CCLXXXIX

Возмездие свершил король наш славный.
К себе своих прелатов он сзывает
– Французов, алеманов и баварцев.
«С собой привез я полонянку в Ахен.
Ее здесь долго вере поучали.
Крещение она принять желает,
Чтоб спас ее от вечных мук создатель».
Все молвят: «Восприемниц ей назначьте,
Двух знатных дам и добрых христианок».
У Ахенских ключей народ собрался,
И в них крестилась королева мавров,
И восприяла имя Юлианы,
И добровольно христианкой стала.

Когда король свой правый суд закончил,
И гнев излил, и сердце успокоил,
И приняла крещение Брамимонда,
День миновал и ночь настала снова.
Вот Карл под сводом спальни лег на ложе,
Но Гавриил к нему ниспослан богом:
«Карл, собирай без промедленья войско
И в Бирскую страну иди походом,
В Энф, город короля Вивьена стольный^[164].
Языческую ратью он обложен.
Ждут христиане от тебя подмоги».
Но на войну идти король не хочет.
Он молвит: «Боже, сколь мой жребий горек!»
– Рвет бороду седую, плачет скорбно...
Вот жесте и конец. Турольд умолкнул^[165].

Примечания

Из всех национальных эпосов феодального средневековья наиболее цветущим и разнообразным является эпос французский. Он дошел до нас в виде поэм (общим числом около 90), из которых древнейшие сохранились в записях XII века, а наиболее поздние относятся к XIV веку. Поэмы эти именуются «жестами» (от французского «chansons de geste», что буквально значит «песни о деяниях» или «песни о подвигах»). Они имеют различный объем – от 1000 до 2000 стихов – и состоят из неравной длины (от 5 до 40 стихов) строф или «тирад», называемых также «лэссами» (laisses). Строки связаны между собой ассонансами, которые позднее, начиная с XIII века, сменяются точными рифмами. Поэмы эти предназначались для пения (или, точнее, декламации нараспев). Исполнителями этих поэм, а нередко и составителями их были жонглеры – странствующие певцы и музыканты.

«Песнь о Роданде», самая знаменитая из героических поэм французского средневековья, сохранилась в нескольких списках, из которых наиболее важны следующие:

1. Так называемый «Оксфордский вариант», о котором один из исследователей сказал, что «ценность его превышает ценность всех других редакции, вместе взятых». Эта рукопись, иногда обозначаемая Digby 23 (по имени ее владельца, завещавшего всю свою коллекцию древних манускриптов библиотеке Оксфордского университета), сделана примерно в середине XII века довольно тщательно англо-нормандским писцом с оригинала, диалект которого неясен, и дошла до нас в относительно хорошем состоянии. Она содержит 4002 ассонансированных стиха.

2. Венецианский ассонансированный текст по рукописи XIV века на французском языке с большой примесью итальянских слов и словесных формул: 6012 стихов.

3. Рифмованные тексты, представленные двумя группами рукописей: из Шатору и из библиотеки св. Марка в Венеции; из Парижской национальной библиотеки, из Муниципальной библиотеки г. Лиона и из библиотеки Trinity College в Кембридже; в каждой более 800 стихов. Все это – обычные для зрелого и позднего средневековья переработки старых редакций поэм с тенденцией к «романтическому» развитию сюжета.

Сохранилось также несколько иноязычных переводов «Песни о Роланде», восходящих к французским подлинникам, непосредственно нам неизвестным; из них стоит упомянуть так называемую «Карламагнуссагу»,

прозаическую компиляцию нескольких французских эпических поэм, выполненную около 1240 года по повелению норвежского короля-просветителя Хакона V. Основой той ее части, которая соответствует «Песни о Роланде», послужила французская версия, довольно близкая к Оксфордской.

После многовекового забвения «Песнь о Роланде» была заново «открыта» в начале XIX века, в эпоху романтизма, для которого, как известно, был характерен интерес ко всему средневековому, «готическому».

Честь первого издания поэмы принадлежит французскому медиевисту Франсиску-Ксавье Мишелю (1809—1887), который наткнулся на Оксфордскую рукопись, разбирая старинные манускрипты, хранившиеся в библиотеке Оксфордского университета. Издание это вышло в Париже в 1837 году («*La Chanson de Roland ou de Roncevaux*», du XII si?cle; publi?e pour la premi?re fois d'apr?s le manuscrit de la Biblioth?que Bodi?ienne d'Oxford, par F. Michel;

«Песнь о Роланде, или Песнь о Ронсевальской битве», изданная Ф. Мишелем впервые по рукописи Бодлеянской библиотеки в Оксфорде). Критическое издание и перевод поэмы на современный французский язык осуществил в 1850 году Ф. Женен («*La Chanson de Roland*», po?me de Th?roulde, texte critique accompagn? d'une traduction et de notes, par F. G?riin; «Песнь о Роланде», поэма Турольда, критическое издание текста, перевод и примечания Ф. Женена).

В последующие годы во Франции «Песнь о Роланде» издавалась множество раз и многократно переводилась на современный французский язык; особого внимания заслуживает факсимильное издание Оксфордской рукописи, вышедшее в 1932 году в Париже с историческими и палеографическими примечаниями Ш. Самарана.

Несколько слов о русских переводах поэмы. Наиболее старые из них принадлежат Б. Алмазову (М., 1868) и А. Чудинову (Пг., 1917). Первый из них – вольный пересказ на основе французского перевода, второй – также весьма свободное прозаическое переложение, не дающее никакого представления о поэтическом звучании и образной системе подлинника.

Наоборот, большого внимания и высокой оценки заслуживают два других перевода: первый из них, выполненный Ф. де ла Бартом, был опубликован в 1897 году и затем неоднократно переиздавался, а второй, принадлежащий перу ученого-филолога Б. И. Ярхо, вышел в 1934 году в издательстве «Academia».

Помещенный в данном томе перевод Ю. Б. Корнеева выполнен по одному из новейших изданий, точно воспроизводящих Оксфордский текст

(«Das altfranzösische Rolandslied nach der Oxfordcr Handschrift». Herausgegeben von Alfons Hilka. Dritte verbesserte Ausgabe, besorgt von Gerhardt Rohlfs. Halle (Saale).

Этот перевод, впервые напечатанный в 1964 году в серии «Литературные памятники», основан на следующих принципах: он выполнен силлаботоническим стихом – белым пятистопным ямбом – с соблюдением системы ассонансов; имена собственные приближены к современному звучанию, за исключением княжеских, которые даны, согласно обычаю, в условной латинизированной форме (Карл, Людовик и т. п.); но главная задача, которую ставил собой переводчик, – это верно передать эмоциональное и смысловое содержание подлинника.

А. Смирнов

---

notes

Примечания

Карл – франкский король Карл Великий (768—814), коронованный в Риме в 800 г. императором Запада. Во время испанского похода императором он еще не был.

В 778 г. Карл Великий, имевший определенные политические и экономические интересы в северо-восточной Испании, вмешался во внутренние раздоры испанских мавров. Призванный на помощь Иба аль-Араби, мусульманским властителем на севере страны, которого сместил кордовский халиф Абдеррахман, стремившийся создать в Испании самостоятельную мусульманскую державу, Карл предпринял поход в Испанию, приведший к созданию испанской марки (пограничная область до Эбро). Поход Карла Великого в Испанию продолжался не семь лет, а лишь несколько месяцев. Однако вполне возможно, что еще до сложения «Песни о Роланде» эти семь лет были уже заполнены какими-нибудь сказаниями о гибели Роланда и двенадцати пэров. Позже (в XIII в.) на итальянской почве (на смешанном франко-итальянском языке) появились поэмы, описывающие этот период: «Вступление в Испанию» (первые пять лет) и «Взятие Пампелуны» (последние два года).

До моря Карл в 778 г. не дошел; но его сын, будущий король Людовик Благочестивый, еще при жизни отца (801 г.) завоевал Барселону, расположенную у моря.

Марсили́й – имя неясного происхождения, по форме скорее романское, чем арабское, быть может, вымышленное, а быть может, искажение имени Amoroz, как звали, согласно Эгинхару (IX в.), мавританского правителя Сарагосы, просившего Карла Великого помочь ему против эмира Кордовского Абдеррахмана.

Христианские проповедники старались изобразить магометан язычниками («нехристями», безбожниками). Отсюда – приписываемое им почитание античного бога Аполлона (Аполлена) и превращение Магомета, основателя мусульманской религии, в языческого бога.

В конце большинства тирад стоит «аой!», которое до сих пор не нашло вполне удовлетворительного объяснения. В тех тирадах, где оно поставлено не на месте (иногда, например, в середине), следует видеть просто небрежность или ошибку последнего переписчика.

Существует несколько толкований этого «аой» («аоі»), из которых наиболее правдоподобны следующие: 1) «аоі» – нечто вроде припева, междометие, которое встречается также в эпической поэме «Алисканс»; 2) условное обозначение музыкальной модуляции *saeculorum amen* (во веки веков) или *rah vobiscum* (мир вам), воспроизводящее гласные этих слов. Это толкование менее правдоподобно, чем первое.

Под «Францией» в поэме понимается то Иль-де-Франс, то все владения Карла. Эпитет «милая» принадлежит к числу «устойчивых эпитетов» и употребляется даже врагами Франции.

Бланкандрен Вальфондский. – Вальфонда – «Валье-Онда», город в северной Испании.

Линялые соколы. – то есть те, которые уже вышли из периода линьки, считавшейся очень опасной болезнью для охотничьих птиц; они ценились много дороже, чем те, которым она еще предстояла.

Здесь и дальше строки, взятые в прямые скобки, интерполированы в Оксфордской редакции из других версий ради ясности иди по иным соображениям.

Французами в этой поэме называются без различий то жители Франции в узком смысле слова, то подданные Карла вообще (вместе с жителями германских частей империи – баварцами, алеманами и проч.).

Ахен (старофранц. Aîx, ныне Aix-la-Chapelle) – столица державы Карла Великого, который был похоронен в местном соборе.

День святого Михаила, который особенно чтился во Франции, до конца XI в. праздновался 29 сентября, позже – 16 октября.

Балагет – как полагают многие комментаторы, искажение названия города Балагер (в Сарагосской области).

Все имена мусульман здесь и далее – вымышлены. Характерно, что многие из них образованы от французского слова «mal» – «плохо», «дурно»: Мальбьен, Мальпримтим и т. д. Приамон – имя троянского царя Приама, случайно сюда попавшее.

В подлиннике Cordres (в венецианской рукописи – Cordoa) – Кордова (город в южной Испании, с VIII в. до 1031 г. являвшийся столицей Испанского халифата) или же Cortes – местечко в северной Испании, в долине реки Эбро, между Туделой и Сарагосой. В пользу первого толкования, имеющего больше сторонников, чем второе, говорит то, что, по уверению хрониста Адемара де Шабанн, Карл Великий «владел всей землей, от Монто-Гаргано в Италии, до Кордовы в Испании». Но последнее сведение могло быть взято Адемаром из этого самого стиха «Песни о Роланде». Интересно, однако, что в «Песни о предательстве Гвенона», восходящей к более ранней форме «Песни о Роланде»), чем Оксфордская, испанский город в этом месте назван не Кордовой, а Мориндой.

Феод – земельное владение, пожалованное сеньором вассалу под условием несения последние службы в том или ином виде.

Сватильский король – Сватилия – неизвестная страна. Венецианский текст дает здесь: *reis de Secilia*, то есть, вероятно, Сицилии. Последняя, действительно, была под властью арабов с 827 по 1061 г. Если так, то это архаическая черта, ибо в пору возникновения Оксфордского варианта Сицилия принадлежала уже норманнам, то есть была христианским государством.

Роланд – племянник Карла, один из пэров, пасынок Ганелона; историческим прототипом этого образа явился маркграф Бретонской марки Хруодланд, павший в бою с басками в 778 г.

Оливье – нигде исторически не засвидетельствован. Бароны – здесь и дальше не титул, а название всех рыцарей, независимо от их титулов.

Ансеис – по-видимому, один из пэров; в других произведениях не упоминается (не следует его смешивать с героем позднейшего романа «Ансеис Картахенский» (XIII в.), которого Карл сделал королем Испанским после смерти Роланда).

Самсон – один из пэров, бургундский герцог (дук), в других эпических поэмах не упоминаемый. Пэры – те из вассалов, которых сеньер считает себе равными.

Жоффруа – Прототипом этого образа певцу (или редактору) «Песни о Роланде» послужил, очевидно, герцог Анжуйский Жоффруа I Гризгонель, несший королевское знамя в исторической битве при Суассоне (948 г.), как и его легендарный предок, упоминаемый в «Песни о Роланде». Некоторые ученые усмотрели в этом основание для того, чтобы утверждать особую связь «Песни о Роланде» с Анжу (или даже считать, что «Песнь о Роланде» возникла именно в этой провинции), ибо они толковали это место как лестный намек на старинные якобы притязания графов Анжу на наследственное звание королевского знаменосца. Однако для столь далеко идущих выводов приведенных фактов явно недостаточно.

Жерен, Жерье – неизвестные лица, парные имена. Трудно сказать, кто из перечисленных является пэром, а кто – нет.

Седоволосой и седобород... – Это описание Карла не соответствует исторической действительности, ибо в 778 г. ему было лишь тридцать шесть лет.

Турпен-архиепископ – епископ Реймский (753—794), лицо историческое; пользовался покровительством Карла Великого, но об участии его в доходах ничего не известно. Вслед за «Песнью о Роланде» проник и в другие эпические поэмы.

Ожье – герой французского эпоса Ожье Датчанин; в эпосе «Подвиги Ожье» подробно рассказано о его враждебности к Карлу, а затем о его подвигах и заслугах перед Францией. Неизвестно, причисляется ли Ожье к пэрам.

Ришар – нормандский герцог Ришар I Старый (ум. в 996 г.).

Анри, его племянник, Аселен, Тибо из Реймса и Милон – неизвестны.

Коммибль – название сильно искаженное; возможно, какая-нибудь деревня в северной Испании. Некоторые иноземные версии дают здесь: Моринда.

Нопль – Ноблехас близ Толедо (Тавернье) или Напаль близ Барбастро.

Пина – неизвестна.

Вальтерна – сарацинский замок в 95 км от Сарагосы.

Тудела (Tu?le) – город или селение между Ронсевалем и Сарагосой.

Севилья – вероятно, Севиль, крепость в горах близ Барбастро.

Базан, Базилий. – Возможно, что существовало какое-то сказание о послых Карла Великого, осужденных язычниками на смерть. Во франко-итальянской поэме XIV в. «Взятие Пампелуны» говорится сначала о двух послых – Базане и Базилии, но затем появляется третий – Балдуин, который срывает с Марсилия корону, приносит ее Карлу и умирает у его ног. В других итальянских версиях встречаются несколько отклоняющиеся варианты сказания, что указывает на широкое его распространение.

Альтилья (исп. *altilla*) – «возвышенность», «холм».

Вам руки в руки, как вассал, вложить. – Обряд принесения вассальной присяги сопровождался символическим актом: вассал, стоя на коленях, вкладывал свои руки в руки сеньора.

Немон (именит, пад. Naimes, косв. пад. Naimon) – вымышленный персонаж, тип мудрого советника.

У знаменитых воинов было в обычае давать личные имена своим мечам и коням. Имя меча Ганелона Морглес не поддается переводу. Имя его коня Ташбрюн означает «коричневый в яблоках».

Это неверно: Карл Великий ни Апулии, ни Калабрии никогда не покорял. На границах этих областей его власть кончалась. В Англию Карл Великий тоже никогда не вторгался.

Петру святому дань – ежегодный взнос по одному пенингу с «дыма» (жилья) в пользу папского престола (папа – наместник святого Петра); но налог этот был введен в Англии, конечно, не Карлом, а одним из англосаксонских королей.

Он только что разграбил Каркасоню. – Каркасона – город в южной Франции. Существует средневековая латинская повесть «Деяния Карла Великого у Каркасоны и Нарбонна» (точно датировке не поддается), где Роланд завоевывает Сардинию (!) и Барселону, убивает сарацинских витязей Бальдрага и Тимиза и совершает еще ряд других подвигов. Марсилья спасается бегством, и стены Каркасоны падают перед Карлом.

Яблоко – символ императорской власти («держава»).

Вплоть до XV в. Александрия была крупнейшей поставщицей ценных тканей в Западную Европу.

Альгалиф (букв: «наместник пророка») – титул арабских государей. Но певец, видимо, совершенно не понимая этого слова, делает «альгалифа» дядей и вассалом мелкого арабского царька в Испании.

Это лживое заявление Ганелона было впоследствии истолковано как выражение действительного намерения Карла сделать Роланда королем Испании. Особенно это чувствуется в итальянских версиях легенды.

– В устах Марсилия эти слова выражают не пренебрежение, а, наоборот, почтительное отношение к Карлу.

Ущелье Сизы (в древности Цезаревы ворота) – долина на северном склоне Пиренеев (со стороны Франции).

Останки святых (мощи) и другие реликвии высоко ценились как защита от смерти или ранения в бою; поэтому их часто вправляли в рукоятки мечей.

Книга – священная книга (Евангелие, Коран и т. п.), на которой в средние века обычно торжественно клялись. Терваган. – В жестах нередко встречается имя этого загадочного языческого божества, образующего вместе с «Аполлоном» (Аполлоном) и «Маомом» (Магометом) триаду демонических существ, которым якобы поклонялись мусульмане. Мнения ученых относительно этого божества расходятся: А. Грегуар («L'etimologie de Tervagant», *Mélanges d'histoire du théâtre du moyen Age*. P., 1950, p. 67—74) возводит его к римской богине Diana Trivia (Геката, покровительница нечистой силы); Л. Шпицер («Tervagant», *Romania*, LXX. 4948—1949, p. 397—408) производит имя «Tervagant» от прилагательного «Terrificans» («устрашающий», «наводящий ужас»); Ш. Пелла («Mahom, Tervagant, Apollin», *Actas del primer congreso de estudios arabes e islamicos*. Madrid, 1964, p. 265—269) считает его искаженным арабским эпитетом, относящимся к Магомету и означающим «проклятый» или «губитель».

Мальдуа («находящийся на кривом пути») – казначей Марсилия.

Гальна – город, плохо поддающийся отождествлению; возможно, что нынешняя Хелса в 8 км от Сарагосы.

Вероятное значение пророческих снов Карла: обломки древка, взвивающиеся к небу, – души убитых героев, возносящиеся на небо; медведь – Марсиль; леопард – альгалиф; проворный пес – Роланд; ухо медведя – правая рука Марсилья.

Здесь певец вступает в противоречие с предыдущим: в ст. 333 Ганелон, принимая полномочия от Карла, роняет на землю не жезл, а перчатку, и в ст. 782 Роланд принимает не перчатку, а лук. Но еще важнее расхождение в тоне тирад LIX—LX. Дело не в том, что в первом случае в Роланде говорят радость и утонченность чувств (быть может, отчасти наигранные и насмешливые), а во втором – грубость и гнев– такое чередование могло бы еще иметь место. Но дело в том, что смена подобных чувств здесь лишена всякого блеска и изящества, свойственных речи Роланда, и ничем Ее отличается от грубой ругани. Отметим также, что эта вторая тирада отсутствует во всех других версиях, кроме Оксфордской. Если прибавить еще ошибку с перчаткой и жезлом, становится чрезвычайно вероятным предположение некоторых исследователей о том, что вся вторая тирада является интерполяцией.

Из перечисленных здесь лиц первые десять, включая Роланда, являются, очевидно, пэрами. Архиепископ Турпен, конечно, не может быть пэром, так же как и Готье де л'Он, называющий себя «вассалом» Роланда. Однако если сравнивать перечень пэров с тем, который дан в ст. 2403—2410, то здесь не хватает Ивона и Ивория, гасконца Анжелье и Самсона; напротив, здесь добавлены Асторий и Гефье. Все это лучше всего объясняется множественностью сказителей, противоречивших друг другу.

Атон, Асторий – неизвестные лица.

Жерар из Руссильона – герои франко-провансальской эпической поэмы, граф Парижский, который был с 855 г. опекуном Карла, короля Прованса.

Гефье – вероятно, тождествен аквитанскому герцогу Вайфарию, с которым сражался отец Карла Великого Пипин Короткий (VIII в.), но потом помирился. См. также главу двадцать шестую второго тома «Дон-Кихота».

Готье де л'Он – неизвестен.

Альмар Бельфернский – лицо вымышленное.

Мы находим при дворе Марсилия удивительное смешение христианских титулов и званий (герцоги, графы, бароны) с арабскими (аль-галиф, альмасор). Альмасор – искаженное Аль-Мансур, имя или, вернее, прозвище («Победоносный») хаджиба (министра, визиря) кордовского халифа Мухаммеда (939-1002), грозы христиан Испании, овладевшего Сантьяго-де-Компостела и другими твердынями Испании, но в конце концов потерпевшего сокрушительное поражение от соединенных сил королей Леона, Наварры и графа Кастилии при Калатаньясоре (998 г.). Имя Альмансор стало нарицательным для обозначения могучего арабского воителя в Испании.

Серданья (в подлиннике: tere Certeine, букв.: «известная земля») – область в Испании, расположенная в долине реки Сегры.

Асприйские горы. (*Aspera vallis*, букв: «трудная ложбина») – Аспра, ныне Аспе, горный проход в Пиренеях. Дюрестан – неизвестен.

Фальзарон (от fals – «ложный», «лживый») – вымышленное имя; брат Марсилия.

Еще в VIII в. христиане, воевавшие с испанскими маврами, сталкивались с берберами. Роль последних особенно усилилась с середины XI в., когда кордовские халифы призвали из Африки на помощь против христиан фанатических альморавидов, принадлежавших к берберам.

Ронсеваль – в настоящее время городок в Испании (Наварра) в долине, соединенной с Францией так называемыми Роландовыми Воротами.

Мориана – местечко в области верхнего течения реки Эбро, в северной Испании.

Тортелоза – обычно толчется как Тортоза, городок в долине реки Эбро.

Дюрандаль – имя меча Роланда, происходящее либо от прилагательного «dur» – «твердый», либо от глагола «durer» – «быть прочным, устойчивым».

Эскреми – лицо вымышленное.

Эсторган, Эстрмарен – лица вымышленные.

Маргари Севильский – лицо вымышленное. Где находилась эта Севилья (имя, очень распространенное в испанской топонимике), неизвестно.

Прим – неизвестный городок (или область).

Сен-Дени – монастырь св. Дениса, считавшегося патроном Франция, и город в 9 км от Парижа, древняя усыпальница французских королей. Расположиться иноверцам на постой в монастыре значило осквернить его «святыню».

Шернобль Монэгрский – персонаж и место неизвестны, но по некоторым признакам можно думать, что певец имел в виду Эфиопию. Другие полагают, что Монэгр (Muneigre, Черная Долина) означает область близ Сарагосы.

Подражание пользовавшейся большой популярностью песни Давида на смерть Сеула и Ионафана (Библия, Вторая Книга Царств, гл. I, ст. 21).

Меч побежденного переходил в собственность победителя.

Вьеннский – изготовленный в г. Вьенне на берегу реки Роны (Франция).

Злые песни. – О существовании в каролингскую эпоху в дружинной среде насмешливых песен про трусов сохранились достоверные свидетельства.

Средневековые эсхатологи различали разные степени посмертного блаженства: одной из высших было попасть после смерти в «вышний» рай.

Вельянтиф – имя коня Роланда, образованное либо от глагола «veiller» – «бодрствовать» («бдительный», «недремлющий»), либо от прилагательных «vieil» – «старый» и «antif» – «древний», «дряхлый» в том смысле, в каком в наших былинах Илье Муромцу присваивается по виду совсем захудалый, но по своим качествам замечательный (верный, выносливый и т. п.) конь – «сивка-бурка, вещая Каурка».

Боевой клич французов «Монжуа!» установился в XII в. Скорее всего, это восклицание французских паломников, которые испускали его с высоты Mons Gaudii («Гора радости», итал. название – Monte Mario), когда их взору впервые открывался Рим, цель их странствия. Объяснение этого клича в ст. 2505—2510 (см. прим. к ним: «Монжуа» будто бы от «Жуайёза») неправдоподобно и в лингвистическом отношении невозможно.

Авирон с Дафаном – мятежники, которых, по библейскому преданию («Числа», XVI, 3-32), за неповиновение Моисею поглотила земля. Примесь книжных влияний порождает порою в «Песни о Роланде» самую причудливую и неожиданную фантастику.

Амирафль. – Вероятнее всего это арабское «ал-модаффер» – «победитель». Не следует смешивать это слово с «amirail» (от арабск. «амир») – «эмир». Эти титулы напоминают «мурз-улановой» наших былин.

Альтеклер («высокосветлый») – согласно поэме «Жирар Вианский», до Оливье этот меч принадлежал римскому императору Клозамонту, который потерял его в лесу. После того как меч был найден, его отдали папе, но затем им завладел Пипин Короткий, отец Карла Великого, который подарил его одному своему вассалу; последний продал его еврею Иоахиму, ровеснику Понтия Пилата. Во время поединка с Роландом у Оливье ломается меч. Роланд разрешает ему дослать в Виану за другим. Тогда Иоахим присылает ему Альтеклер, и поединок заканчивается миром. Ясен книжный характер этого предания и чуждость его народно-песенной традиции.

Пассесерф – имя коня Жерье, буквально означающее: «перегоняющий оленя».

Юпитер. – В средние века был обычай давать адским демонам имена античных богов.

Ксантен – город близ Кельна.

Безансон – главный город провинции Франш-Конте.

Уиссан – морская гавань близ Кале.

Картина, очень близкая к картине светопреставления, как оно рисовалось ок. 1000 г., когда люди ждали наступления «конца света».

«Деяния франков», на которые здесь и несколько раз дальше певец ссылается как на свой источник (см. ст. 684, 2095, 3263, 3742 и, может быть, 4002), – латинская или французская хроника, до нас не дошедшая. Но можно почти несомненно считать это вымыслом певца, желавшего такими ссылками, весьма обычными в средневековой поэзии, укрепить авторитет своего легендарного рассказа.

Имя Абим (Abisme) буквально значит: «адская бездна».

Возможно, что здесь имеются в виду сокровища монастыря св. Иакова Компостельского в Галисии (Сант-Яго де Компостела).

Гроссаль – неизвестен.

Валь-Метас – очевидно, вымышленная местность.

Галафр – Город Алеппо в средневековых латинских памятниках назывался Галапия, а властитель его – «адмиралом Галафа» или «Галафом». С другой стороны, в поэмах «Юность Карла Великого» и других Карл, принужденный бежать от преследования братьев, находит дружеский прием в Толедо со стороны «языческого царя» Галафра, дочь которого Галиена становится его невестой.

Климорен – вымышленное имя.

Герцог Альфайенский – вымышленное имя.
Эскабаби – то же.

Малькиан, сын Малькюда – «Злонамеренный» и «Дурномыслящий»,
обычные для «Песни о Роланде» парные имена.

Сальтперту – букв.: «потерянный (отчаянный) прыжок».

Каппадокия – единственная область Малой Азии, известная певцу «Песни о Роланде», вероятно, в силу широкого распространения легенды о Георгия Победоносце, уроженце Каппадокии. Грандоний, Капуэль – вымышленные имена.

Олифан – «Слоновая Кость», название Роландова рога.

Б. И. Ярхо по поводу этого места замечает: «Фраза построена так, точно отношения между Роландом и Альдой уже хорошо известны слушателям. Почти невозможно предположить, что имя Альды произносится здесь впервые, как нечто только что выдуманное жонглером. Итак, позади „Песни о Роланде“ стояла какая-то традиция, какое-то сказание, существовавшее до возникновения „Песни“. Но какое? Старшие варианты не дают материала для разрешения этого вопроса: „Песнь о предательстве Гвеноаа“ и „Хроника Лже-Турпена“ вовсе не знают Альды; рукописи „Песни о Роланде“ только развивают „смерть Альды“, но умалчивают о праистории» («Песнь о Роланде по Оксфордскому тексту». Перевод со старофранцузского, вступительная статья и примечания Б. И. Ярхо. М. -Л., «Academia» 1934, с. 295.).

До сих пор соображения Б. И. Ярхо вызывают наше безоговорочное согласие. Традиция должна была быть, и, со своей стороны, мы ее представляем себе в форме известных «ткацких песен» (девушка и «красавец герой», любящие друг друга) с их задушевностью и деликатным лаконизмом. Но когда Б. И. Ярхо пытается обнаружить (хотя и со всеми возможными оговорками) следы этой традиции в галантном романе Бертрана из Бара на Обе «Жирар Вианский» (конец XII в.), мы отказываемся за ним следовать, считая этот роман типичным новообразованием в духе сентиментально-психологических фантазии позднейшей эпохи (Подробное об образе Альды у Бертрана из Бара на Обе см. там же.). Альда Бертрана – предтеча «прекрасной дамы» не знающей жалости, не имеющая ничего общего с архаической Альдой народной поэзии, как она нам рисуется. Не будем пытаться заглянуть за рамки нам известного, соединяя вещи несоединимые.

Нопль. – Взятие Роландом Нопля (см. ст. 198) было, видимо, предметом особой песни. Подробно описана эта экспедиция как пример дерзкого самоуправства Роланда во франко-итальянской поэме Николая Падуанского «Вступление в Испанию» (XIII в.).

Борода, выпущенная наружу, означала гордый вызов врагу (см. ст. 3122—3124 и 3520).

Святые цветы (образ, восходящий к античному представлению о «Елисейских полях» или «Элизиуме») – луг блаженных, та часть рая (см. прим. к ст. 1134), пребывание в которой доставляет душам усопших наивысшее блаженство.

Ганьон – букв.: «рычащий пес».

Бевон – неизвестен.

Дижон – главный город Бургундии.

Бон – город в Бургундии.

Иворий и Ивон – согласно франко-итальянской поэме «Взятие Пампелуны», сыновья герцога Немона.

Как видно, владения альгалифа находятся в Африке: Гармалья – может быть, область племени гамара, жившего в XI в. в нынешнем Марокко; Карфаген – римская провинция на месте нынешнего Туниса; Альфрер – некоторыми толкуется как область племени бени-ифрен, в X в. занявшего Кайруан (в Тунисе).

Маэльгю (местность) и Дроон (лицо) – неизвестны.

Буквальный перевод: «Так гласит жеста, и тот, кто был на поле, – доблестный муж святой Эгидий, ради которого господь творит чудеса и (который) составил хартию в Ланском монастыре».

Святой Эгидий жил в Аквитании в VIII в. Но его житие, составленное в IX в., приводит его в связь с Карлом Великим; отсюда – удивительный анахронизм, делающий Эгидия очевидцем Ронсевальской битвы. Этот момент следует учесть при оценке ссылок певца на свидетельство «Деяний франков» (см. прим. к ст. 1443).

Рунерские долины – неизвестны.

Арпан – старофранцузская земельная мера (0, 3-0, 5 га). В разговорном языке слово «арпан» употребляется, кроме того, как синоним значительной, но неопределенной меры длины (ср. русское выражение «коломенская верста»).

Почил Турпен. – Из этих слов должна явствовать апокрифичность «Хроники Лже-Турпена», в которой рассказ ведется от лица Турпена как свидетеля Ронсевальской битвы. Но певец вовсе и не заинтересован в том, чтобы отстаивать подлинность рассказа Турпена. Напротив, в половине случаев, когда он ссылается на «Деяния франков» (см. прим. к ст. 1443), он это делает, полемизируя против версии «Хроники Лже-Турпена».

Перечень Роландовых завоеваний говорит о плохом знании певцом истории Франции. Анжу, Пуату, Мэн, Прованс, Аквитания и Фландрия – наследственные владения Карла Великого, Ломбардия (бывшее королевство лангобардов) была завоевана им в 771 г. Бавария была окончательно покорена в 814 г. Нормандии как особого государства совсем не было: норманны заняли названную их именем часть северной Франции только в 912 г., то есть через сто лет после смерти Карла Великого. Интересно, что из всех названных земель лишь Нормандия снабжена почетным эпитетом «вольная»; очевидно, внимание к Нормандии объясняется местным патриотизмом певца (язык Оксфордской редакции близок к англонормандскому наречию). Бретани Карл не смог покорить, хотя успешно воевал с нею. Романьюон не захватил сам, а закрепил за папой. Саксов Карл действительно покорил после многочисленных войн. Покорение Венгрии, Польши (?), Болгарии, Англии, Шотландии, Уэльса, Ирландии и Константинополя – чистейшая фантазия.

Судьба Дюрандаля остается неясной. Ответ дает «Карламагнуссага», черпающая, вероятно, из какого-нибудь французского источника. Карл посылает сначала одного, затем пять славнейших рыцарей, чтобы они взяли из рук мертвого Роланда и принесли меч ему. Они тянут меч, но рука Роланда не разжимается. Тогда Карл молится, и меч сам выпадает из руки. Карл снимает с меча рукоять ради заключенных в ней святых мощей, а клинок бросает в воду, «ибо он знал, что никто не достоин носить его после Роланда».

Граф правую перчатку ввысь вознес. – Залог явки на службу или к месту поединка, который Роланд вручает богу, как своему небесному сеньеру.

Эпизод из Евангелия от Иоанна, XI, 43—44.

Эпизод из Библии, Книга Пророка Даниила, VI, 22.

Перечисление двенадцати пэров. Ср. ст. 792—800. Турпен в их число не входит.

Повторение чуда, совершенного богом для Иисуса Навина (Библия, Книга Иисуса Навина, X, 2).

101

Вальтенебра – местность, не поддающаяся отождествлению.

Эбро – река в северной Испании.

Жуайёз – букв.: «радостный» (см. прим. к ст. 1180).

Во время Первого крестового похода было найдено предполагаемое «чудотворное» копьё, которым был якобы прободен Христос, распятый на кресте. Тотчас же весь лагерь крестоносцев разделился на две партии – верящих в подлинность копьё (южнофранцузская партия) и скептиков (нормандцы). Певец откликается здесь на этот спор, высказываясь за первых.

Несмотря на тождество корня обоих слов, произойти одно из них от другого никак не могло (см. прим. к ст. 1180 и 2501).

Толкование первого вещего сна Карла не вызывает сомнений.

Толкование второго вещего сна (более туманного): на защиту первого медведя (Ганелона) встают тридцать его родичей, из них самый сильный (ст. 2564) – Пинабель, но против них выступает проворный пес (Тьерри), и между ним и медведем завязывается схватка с неясным исходом (ср. ст. 718—735).

Эмир – Балиган.

Здесь начинается «эпизод с Балиганом» – особая часть поэмы, добавленная к ней во время Первого крестового похода, на рубеже XI—XII вв.

Вавилон. – Под этим названием понимается не древний Вавилон (в Месопотамии), а Каир (Новый Вавилон) в Египте, резиденция султанов из династии Фатимидов (с 972 г.).

Баснословная старость Балигана означает не его дряхлость, а почтенность. Стих любопытен и как свидетельство некоторой книжной учености жонглера, знакомого с именами античных поэтов.

Александрия. – Владения Балигана находились в Египте.

В средние века было распространено мнение, что драгоценные камни по ночам светятся. См., например, сербский эпос.

Марбриза и Марброза (первые имена) – неизвестны.

Кларифан и Кларьен – парные имена, очевидно, вымышленные.

Горькая насмешка: у Марсилия правой кисти уже нет. Впрочем, может быть, это традиционное выражение, не имеющее реального смысла.

При дворе Балигана господствуют те же рыцарские обычаи, что и у французов.

Дурной привет учтиво произносят. – Послы приветствуют Марсилия и Брамимонду во имя языческих богов, поэтому их привет «дурной», хотя он и учтив.

Брамимонда в душе уже христианка.

Лан при последних Каролингах (в конце IX – начале X в.) был столицей западной франкской державы наряду с Ахеном, еще не утратившим своего значения (см., например, ст. 2917).

Калиферн – видимо, какая-то область в Азии, недалеко от Алеппо.

Геронский – из города Хероны (Героны) в Каталонии.

Тансандор («Резвый») – имя коня Карла Великого.

Намек на какое-то сказание, до нас не дошедшее, но, очевидно, известное слушателям.

Мальпален Нарбоннский – неизвестен.

Карл, как римский император, уповает в бою на помощь апостола Петра, патрона Рима.

Жозеран – неизвестен.

Ансельм – неизвестен.

Рабель, Гинеман – неизвестны.

Баварцы и алеманы входили в состав имперского войска Карла Великого, но не могли быть в составе войска французских королей позднейших веков. Очевидно, мы имеем здесь архаическую черту.

Эрман, фракийский герцог. – «Фракия» вызывает недоумение всех комментаторов.

Ришар Старый. – См. прим. к ст. 171.

Одон, Невелон, Отон – неизвестны.

Годсельм – неизвестен.

Рембо, Амон Галисийский – то же.

Тьерри, герцог Аргонский – неизвестен. Аргона, кстати, не была герцогством. Это ленное владение, входившее в состав графства Шампанского.

Жоффруа Анжуйский с орифламмой. – О наследственном закреплении за графами Анжуйскими должности королевского знаменосца см. выше, прим. к ст. 106. Орифламма – первоначально знамя Римской империи (в христианскую эпоху) или города Рима. Оно было послано Карлу Великому папою Львом III. На мозаиках IX в. в церкви св. Иоанна на Латеране (в Риме) изображены два момента: 1) Карл Великий принимает из рук апостола Петра зеленое знамя города Рима или римских пап; 2) Христос вручает Карлу Великому алое знамя империи с крестом на древке.

Если название «орифламма» происходит от лат. «aurea flamma» – «золотое пламя», то имеется в виду алое знамя империи Капетинги стали называть свое знамя (стяг святого Дениса) орифламмою, возводя его к знамени Карла Великого. Ст. 3094 показывает, что певец знал о римском происхождении орифламмы, хотя на деле она была в 1096 г. вручена брату французского короля, который был сделан знаменосцем христианских войн с исламом, и лишь в XI в. была утверждена Капетингами как французское государственное знамя.

Библия, Книга Пророка Ионы, II, 11.

Там же, III, 1-9, где Иона в Ниневии (Ассирия) убеждает царя покаяться в грехах.

Даниил. – См. прим. к ст. 2386.

Три отрока. – Библия, Книга Пророка Даниила, III: по приказанию царя Навуходоносора были брошены в раскаленную печь три отрока за отказ поклоняться золотому тельцу, но не погибли в ней. Подобное восхваление чудес, сотворенных богом в давние времена, было в ходу в средневековой эпической поэзии.

Пресьоз – букв.: «драгоценный», название меча Балигана. Отсутствует в Оксфордской и восстановлено по другим рукописям.

Заморский – имя, которое, быть может, восходит к имени Маркольф, слуга Соломона в восточных апокрифах (см. сказания о Китоврасе).

Мальприм (так в Оксфордской; в других рукописях – Мальпрамис) – сын Балигана, образец рыцаря в западноевропейском духе.

Дапамор, князь лютичских земель – неизвестен. Лютичи – славянское племя, жившее между Одером, Балтийским морем и Эльбой (Померания). Карл Великий несколько раз воевал с ними. В X—XI вв. германские феодалы упорно стремились обратить лютичей в христианство, но лишь в XII в. это им удалось.

От Кайруана и по Маракеш. – Кайруан – город в Тунисе, место паломничества мусульман. Маракеш – город в Марокко.

Флори – неизвестен. Вся история с передачей земли не совсем понятна. Дальше наряду с подлинными именами народов перечисляется ряд фантастических племен, которыми певец в стиле всего эпизода с Балиганом, видимо, старается изумить слушателей.

Ботентротцы. – Ботентрот – название горного прохода в Каппадокии, на сухом пути из Малой Азии в Палестину, приобретшего известность в Европе в эпоху крестовых походов (когда возник весь эпизод с Балиганом). Ботентрот рано подвергся смешению с Бутинтро на Эпирском побережье, напротив Корфу. В Бутинтро, согласно апокрифу, был в детстве воспитан Иуда Искаротский, занесенный туда морским течением.

Мейсины – быть может, полабские славяне, жившие по верховьям Эльбы, или славянское племя мильчан (?).

Русы. – В Венецианской рукописи на этом месте стоит «Ros», то есть «Русь» (!).

Боруссы – прибалтийское племя.

Сорабы – вероятно, сербы. Сербы. – добавлены, может быть, для аллитерации.

Армяне и мавры – в их обычном этническом смысле.

Иерихонские жители (?). – Возможно, это лишь библейская формула.

Негры – вероятно, в общепринятом смысле.

Курда – в тексте «гросы»; обе попытки истолковать их как курдов и как грузин сомнительны.

Балида – возможно, город Балис в Сирии (?).

Хананеи – семиты, жившие в Малой Азии (известны из Библии).

Печенеги – служили наемниками у византийских императоров, потому стали известны в эпоху крестовых походов.

Авары – племя, в VI в. заселявшее земли по Дону и Каспийскому морю; в VII в. заняли территорию нынешней Венгрии, опустошая земли соседей, в начале IX в. были разбиты Карлом Великим и оттеснены им за Дунай и Тиссу.

Сольтернцы. – Возможно, что это искажение слова, означающего «саранча» (?).

Угличи – может быть, славянское племя угличей.

Самуила племя. – Существует два маловероятных толкования: 1) прибалтийское племя, жители Самланда, то есть области вокруг нынешнего Калининграда; 2) болгары, названные так по имени (искаженному) их царя.

Прусы (Bruise) – вызвали два толкования: 1) пруссы – прибалтийское племя, населявшее нынешнюю Пруссию; 2) жители Бруссы (в Малой Азии).

Оксианская степь – может быть, местности по берегам Амударьи.

Мальпрозцы – неизвестны.

Гунны. – О них, как и о венграх, в это время существовали лишь весьма смутные представления.

Бальдиза, вальпенозцы (Валь-Пеноза – «Долина страданий»), эгли, Мароза – неизвестны.

Ливы. – Допускают два толкования: 1) ливы – финское племя, жившее в нынешней Латвии (Лифляндии); 2) ляхи, то есть поляки.

Атримонцы – неизвестное племя.

Аргойльцы. – Допускают два толкования: 1) Древнее население Гаскони; 2) жители города Эргели (в древности – Гераклеи) в Малой Азии.

Кларбонцы – неизвестны.

Эмир кричит: «За мною, род проклятый!» – Характерная для эпического стиля наивность: Балиган называет своих бойцов обидной кличкой, данной им христианами.

Олоферн – Алеппо.

Флоредея, Валь-Севре – неизвестны.

Баски – реальные противники франков в Ронсевальской битве; здесь упоминаются вскользь.

Энфры – неизвестны.

Многие издатели считают этот стих интерполированным, а следующий затем подвиг приписывают Жоффруа.

Отрицая божественную власть языческих богов, христиане признавали за ними колдовскую силу и способность совершать «ложные чудеса» при помощи чародейства.

Начиная с тирады CCLXVI все рукописи значительно расходятся с Оксфордской и дают усложненную развязку. Главные дополнения ее:

1. Карл возвращается в Ронсеваль и молится за усопших. Происходят чудеса: небесный свет озаряет долину, ангелы уносят души героев, из могил вырастают зеленые рябины (это последнее чудо есть и в «Хронике Лже-Турпена»).

2. Карл строит на поле битвы монастырь.

3. Карл переходит Пиренеи и отправляет гонцов, чтобы вызвать Жирара Вианского с его племянницей Альдой и свою сестру Гислу, мать Роланда.

4. Ганелону удается бежать, однако Одон вовремя его настигает. Добрый конь предупреждает Ганелона об опасности. Происходит бой Ганелона с Одоном. Ганелон вскакивает на коня противника и снова убегает. Одон настигает его. Происходит новый бой. Появляются новые рыцари, и Ганелона приводят в лагерь.

5. Приезжает Альда. От нее скрывают несчастье и даже устраивают в лагере ложное веселье. Наконец, она узнает истину и умирает.

6. Гондребеф Фризский вызывает Ганелона на поединок, но тот снова убегает, и его опять ловят.

7. Бой Пинабеля с Тьерри.

8. Очень развита сцена суда, во время которого бароны предлагают казни одна другой страшнее и, наконец, останавливаются на четвертовании. Весь рассказ пересыпан однообразными молитвами и другими длиннотами.

Нарбона. – Думают, что здесь имеется в виду не Нарбонн у Средиземного моря, а баскское местечко Арбона близ Биаррица.

Духовенство базилики св. Северина с XI в. хвалилось тем, что в этом храме хранится подлинный Олифан.

Бле – город в Сентонже, близ устья реки Жиронды.

Поручен он господним именам. – Во многих молитвах для вящей их действенности старались называть возможно большее количество имен божества, – прием, восходящий к магии. Одну из таких молитв и прочли над героями.

Сеньер не мог сам судить своего вассала, который подлежал «суду равных» (пэров). Карл мог выступить лишь как обвинитель Ганелона, но не как его судья. Сильвестров день – 31 декабря.

Соранса – может быть, Сарранса в Пиренеях.

Певец продолжает возвеличение Анжуйского дома (см. прим. к ст. 106).

Бирская страна, Энф, Вивьен – отождествлению не поддаются.

Последняя строка «Песни о Роланде» загадочна, ибо допускает множество толкований ввиду двусмысленности почти каждого ее слова (кроме «сі» – «здесь»).

Допустимы следующие ее толкования: «Здесь (на этом) кончаются (обрываются, ускользают от нас, иссякают) „деяния“ (историческое сочинение, книга, повесть, песнь), которые слагает (сочиняет, перелагает с латинского на французский, перерабатывает) Турольд (или: „потому, что Турольд утомился, выбился из сил, ослабел“, – возможен и такой смысл)». Итак, Турольд принимал какое-то участие в создании, сложении текста «Песни о Роланде», но мы не знаем и, вероятно, никогда не узнаем с полной достоверностью, участвовал ли он в создании канвы «Песни о Роланде», которую затем тот, кого мы называем «певцом», словесно оформил, или же, напротив, этот Турольд был переписчиком, изнемогшим от своего труда, изготовителем жонглерского списка, с помощью которого жонглер подкреплял свою память. Исследователи немало потрудились, пытаясь отождествить Турольда с каким-либо историческим лицом. Выяснилось, что имя Турольд было достаточно распространенным в XI—XII вв. в зоне французского языка, но особенно в районе англонормандского наречия, то есть в державе Плантагенетов, преимущественно в клерикальной среде. Среди всех этих Турольдов были найдены три Турольда, более или менее подходящие к роли нашего Турольда; 1) бенедиктинец из феканского монастыря, который был назначен в 1066 г. аббатом Малмсберийским; 2) капеллан английских королей (ум. в 30-х годах XII в.); 3) нормандский священник, пришедший из Испании в 1128 г. Учитывая степень распространенности имени Турольд в ту эпоху, пусть читатель судит сам о степени вероятности каждого из этих кандидатов.